

Социально-экономическая структура Боливии после завоевания независимости: стагнация или развитие.

Становление государственности новых латиноамериканских государств в первой половине XIX века привлекает внимание современных исследователей в связи с приближением двухсотлетнего юбилея начала Войны за независимость. Сложные процессы социально-экономического развития новых государств представляет собой основу этих исследований. Разобраться в вопросах общественно-экономических укладов, производственных отношений и влияния на общество революционных преобразований в Боливии после Войны за независимость, является главной целью данной работы.

Боливия, бывшее Верхнее или Горное Перу, с обретением в 1825 г. независимости, принесенной армией Освободителя Симона Боливара, представляло собой обширное, со сравнительно многочисленным населением государство, на территории которого находились основные богатства испанской короны, серебряные рудники Потоси, давшие славу этому региону Америки как «сокровищнице Анд». По сравнению со своими соседями Боливия выглядела вполне богатой и сильной страной. Население Боливии в 1847 г., согласно данным первого статистического исследования, осуществленного выдающимся ученым и политиком Хосе Мариа Даленсе¹, составляло 1.373.896 человек, не считая около 760 тысяч «диких» индейских племен неосвоенных районов восточных равнин и Амазонии². Для сравнения, в Чили в этот период проживало 1.200.000 – 1.400.000 человек, а в Перу – около 1,5 миллиона³. Более половины жителей новой страны, 701.558 человек, принадлежали к древним индейским народам кечуа и аймара. 659.398 человек считали себя белыми или метисами⁴.

Это было государство, в котором подавляющее большинство населения жило обособленно согласно традициям и устоям, восходивших к доколумбовой эпохе. Горная страна была фактически отрезана от тихоокеанского побережья. Для северных районов более естественным и легким был путь к морским портам Перу, нежели собственно боливийского побережья, где к тому же не было удобных бухт и заливов. Внутри страны между центрами различных районов не было устойчивой связи из-за отсутствия дорог. Го-

ворили, что Буэнос-Айрес ближе к Европе, нежели г.Кочабамба к г. Санта-Крусу, расположенные на расстоянии нескольких сот километров. Боливия представляла собой конгломерат имевших мало общего и мало интересующихся друг другом регионов. На севере крупный торговый центр Ла-Пас тяготел к южному Перу, на юге центр добычи серебра, Потоси, и административная и политическая столица страны Сукре (Чукисака) были более связаны с северными районами Аргентины. В крупный ремесленный и сельскохозяйственный центр выросла Кочабамба, а абсолютно независимой жизнью жил Санта-Крус, отрезанный горами и тропическими лесами от центра страны. Боливии еще предстояло пройти долгий путь национальной интеграции, формирования нации со всеми ее атрибутами, территорией, единым государством, национальным самосознанием.

В Боливии в первой половине XIX века, как и в большинстве стран мира население в основном проживало в сельской местности, на города приходилось лишь 11 % жителей, а грамотных было всего 7%. Для сравнения в Швейцарии в 1850 г. только 6% населения были горожанами, а в Италии лишь 2,5% умели читать и писать. Примерно одинаковые цифры, показывающие уровень развития просвещения, в Боливии и во Франции, в которой в 1842 г. только 19 тысяч молодых людей посещали лицей, ну а в России на 67 млн человек в 1850 г. приходилось только 20 тысяч учеников средних учебных заведений⁵. Такова была эпоха. Однако, при всей кажущейся похожести, ситуация различалась во многом: боливийское городское население в основном проживало в небольших городках (что по-испански называлось *pueblo* или *villa*), в то время как в соседних странах наблюдался бурный рост крупных городов: для сравнения – Сантьяго-де-Чили насчитывал 65 тысяч человек, Лима – 50 тысяч, а боливийская столица Сукре всего лишь 19 тысяч⁶. Периферийность страны определялась природно - географическими факторами и социально-экономической структурой.

Аграрный сектор: община и поместье два антагониста боливийской деревни.

Боливия была аграрной страной. Как и в других странах региона, в Боливии сосуществовали две системы землевладения: крупная частная собственность на землю, ведущая свою родословную от энкомьенд первых лет колонизации, пожалований короны и владений церкви, то есть в основном креольские поместья, и индейская община-айлью. Даленсе утверждал, что в Боливии насчи-

тивалось 5.135 частных землевладений и 106.132 земельных участков, числившихся за общиной. Всего в сельской местности проживало около 915 тысяч человек, из них общинников в айлью было 621.648 человек, то есть почти 70%⁷. Остальные были либо мелкими независимыми землевладельцами, либо колонами (формально безземельными крестьянами), проживавшими на землях поместий. В первой половине XIX века это соотношение практически не менялось. В общине наблюдался прирост населения. Число мужчин-налогоплательщиков, то есть глав семейств, в общине увеличилось с 85.380 в 1838 г. до 94.939 в 1858 г., то есть более чем на 10%, а колоны в этот же период даже уменьшились с 35.440 глав семейств до 34.219⁸.

Поместья преобладали в Кочабамбе, частично в Чукисаке и Ларекахе. Это были районы переселения народов во времена Инков. Эти провинции – кечуанский остров среди индейцев аймара. В местах заселения митамак (переселенцев) сопротивление новым порядкам в период испанской колонизации была меньшим, и община уступала место поместью. В первой половине XIX века в Кочабамбе число индейцев-общинников неуклонно снижалось с 11.067 глав семейств в 1838 г. до 6.828 в 1877 г.⁹ В середине века в этом районе на 1045 частных владений приходилось лишь 695 общин.

С 30-х годов XIX века в экономике началось некоторое оживление, что нашло отражение в возрождении интереса к сельскому хозяйству. В результате роста городов, прежде всего, Ла-Паса, капиталовложения в сельскую округу, являвшуюся поставщиком продуктов питания, стали привлекательными. В Ла-Пасе проживало множество землевладельцев, которые в основном были торговцами, чиновниками, лицами свободных профессий, так называемые «доктора». В 80-е годы XIX века в городе Ла-Пас жило 2.304 помещичьих семей. Большинство (79,3%) владели лишь одним поместьем. Как правило, это были небольшие угодья, включавшие в себя одну или максимум две бывшие родственные общины. Большие латифундии распадались на несколько поместий (асьенд), либо были скотоводческими владениями в малонаселенных районах. 12,4% землевладельцев имели по два поместья, и лишь 1,2% обладали более 5 поместий каждый. Доходы от этих поместий были невелики: от 40 до 2.000 песо в год, что соответствовало жалованию среднего чиновника или офицера¹⁰. Землевладение было скорее фактором, определявшим кастово-классовую принадлежность собственника, нежели хозяйственно-экономическую величину.

ну. Стать асендадо – помещиком означало приобрести аристократии, касте бывших энкомендеро и потомков конкистадоров. Метисы и креолы, нажившие капитал на торговле, в горном деле или на хининовом промысле, вкладывали его в земельную собственность. В Боливии в первой половине XIX века земля привлекала капитал, в основном, благодаря своему статусному весу, и в меньшей степени, как сфера хозяйственного вложения.

Только в зоне произрастания коки, благодаря ее высокой коммерческой привлекательности, и в виду того, что там не было компактного автохтонного населения, крупные землевладельцы развивали производство, привлекали наемную рабочую силу и в незначительных масштабах рабов. В традиционных же районах долин и на Альтиплано поместье мало чем отличалось от общин в своей внутренней организации. Поместье состояло из крестьянских хозяйств колонов, уплачивавших ренту хозяину-землевладельцу и выполнявших некоторые бесплатные отработки по его личному обслуживанию в городе. При этом внутренняя хозяйственная структура общины полностью сохранялась и в рамках поместья.

Помимо частного землевладения все еще сохранялось церковное. Несмотря на проведение радикальных антиклерикальных реформ президента А.Х.Сукре, церковь смогла сохранить часть своей земельной собственности. К 1880 г. по сравнению с концом XVIII в. она сократилась лишь вдвое. Монастыри по-прежнему оставались крупными землевладельцами. 6 монастырей владели 36 поместьями. Мелким приходам только в департаменте Ла-Пас принадлежало 23 асьенды. Однако крупнейшие монастыри много потеряли после войны за независимость. Например, известный и чтимый верующими монастырь Пречистого Зачатия (da la Purisima Concepción) в Ла-Пасе в конце колониального господства владел 22 поместьями, а в 1881 г. у него осталось только 2¹¹. Несмотря на кажущуюся необратимость процесса секуляризации имущества церкви, её позиции не были окончательно подорваны. Даже два десятилетия спустя при покупке поместья Вискачани (известное своими целебными водами место) продавец оговаривал в купчей, что возможны претензии на собственность со стороны предыдущего владельца Монастыря дель Кармен, потерявшего землю в результате экспроприации (сумма покупки была значительной – 16 тысяч песо)¹².

С началом оживления в экономике в 30-е годы возрос интерес городской элиты к собственности в деревне. Многие помещики сдавали свои поместья в аренду, особенно в районах, производя-

щих пользующиеся спросом продукты, как-то, кока (Юнгас – Ла-Пас), пшеница (долины Кочабамбы). Обычно срок аренды был 10 лет, а годовая стоимость около 1000 песо, что свидетельствовало о её высокой доходности¹⁴. В середине века в покупку земли, особенно в городской округе, специализировавшейся на поставках продуктов питания (огородничество и животноводство) в города, стали вкладывать капитал крупные торговцы¹³. В этих районах были созданы первые помещичьи организации: в 1830 г. Общество собственников Юнгас, в 1886 г. – Сельскохозяйственная кампания Конгуайо¹⁵.

Лицо боливийской деревни определяла индейская община-айлью. Во многих районах, например, на Альтиплано, община преобладала или даже была единственной формой организации сельского населения. С завоеванием независимости индейцы-общинники стали первой жертвой либерально-модернизаторских проектов Боливара и Сукре. В 1825 г. индейцы были уравнены в правах с остальными жителями страны, была отменена подушная подать (трибуто), которая воспринималась индейцами как плата за «пакт взаимности» и невмешательства испанского государства во внутренние дела общины-айлью. Боливар предполагал создать на месте индейца-общинника частного землевладельца, свободного от пут «ретроградной и отсталой» организации айлью. Декретировалась продажа пустующих земель, многие из которых рассматривались общинниками как свои резервные и пастбищные угодья, являвшиеся составной частью системы высокорного хозяйства. Земли же общины предписывалось разделить среди крестьян в частную собственность, что в глазах индейцев было самым неприкрытым покушением на весь уклад жизни, означало конфискацию их земли.

С восстановлением А.Х.Сукре трибуто в августе 1826 г. завершился этот радикальный эксперимент, реально проводить который ещё никто не начинал из-за отсутствия средств, да и желания. При президенте А.Санта-Крус в 1831 г. было подтверждено намерение государства сохранить трибуто, а землю индейцы могли продавать только таким же индейцам-общинникам, плательщикам трибуто. Целью А.Санта-Круса было восстановление структуры колониального налогообложения с тем, чтобы обеспечить наполняемость бюджета. В 1839 г. был введен запрет на куплю-продажу земель индейских общин, что создавало некие гарантии сохранения общинного уклада. Таким образом земля общин выводилась из коммерческого оборота, институты айлью охранялись законом. В 1842

г. президент У.Бальивиан (1841 – 1847) под влиянием аргентинских иммигрантов-унитариев, вдохновляемых примером аграрных законов Ривадавии¹⁶, издал декрет об эмфитеусисе. Все общинные земли переводились в ранг государственных, а крестьяне-общинники становились простыми временными держателями, арендаторами земли. Однако этот декрет не имел никаких реальных последствий для боливийской деревни, система землевладения в Боливии не изменилась.

В середине века Х.М.Даленсе насчитывал 621.468 индейцев-общинников (или 138.104 семей). Общинники делились на три категории, внутри которых были свои подразделения. Основной фигурой в общине были орихинарио (*originario*) или полноправный общинник. Он обладал самым высоким статусом, так как владел личным участком земли – сайяньей (как правило самая лучшая земля) и нарезом в общей запашке (*айнока*), поля которой располагались в различных климатических зонах, что снижало риск потери урожая при погодных катаклизмах. Орихинарио был основной фигурой и для фискальной системы государства, ибо платил наибольший размер подушной подати – 9 песо и 7 реалов в год за семью¹⁷. Х.М.Даленсе сообщает о 48.295 хозяйств орихинарио. Затем шли агрегадо (*agregado*) или приданные (меньшие) общинники, которые были чаще всего либо младшими сыновьями, получавшими лишь часть надела отца, либо унаследовавшие это положение потомки переселенцев в данную общину из родственных айлью, либо приданных ей во времена массовых переселений при Инках. Агрегадос, как правило, владели лишь участками в айнока, но и налогов платили меньше – 7 песо. Согласно Х.М.Даленсе, агрегадос насчитывалось 57.837 семей. Это была самая многочисленная категория крестьян-общинников. Низшие ступени в общинной иерархии занимали форастерос или пришлые (чужаки), которые не имели своего участка земли, но сохраняли права на часть урожая в обмен на своё участие в полевых работах. Форастерос было 31.972 семьи. Платили они почти вдвое меньше налогов, чем орихинарио – 5 песо в год¹⁸.

Помимо трибута индейцы-общинники были обязаны работать в городах, поддерживать в порядке и ремонтировать общественные здания, церкви, дороги, мосты, обеспечивать доставку по стране почты. Военные могли требовать у крестьян предоставление жилья, питания, фуража, тканей для униформы, обязывать их переносить грузы и т.д.¹⁹ Там, где преобладала община, например, на Альтиплано, весь этот гнет переносился без ропота. Индейцы даже

приветствовали восстановление трибуто как символа возвращения к статус-кво времен колонии и как гарантии сохранения общин. В Кочабамбе, где преобладало поместье, для общинников эксплуатация городом и взимание трибуто было непосильной ношей. В результате, крестьяне стремились перейти в разряд чоло (метисов), которые подлежали общей системе налогообложения и освобождались от трибуто. Особенно уменьшилось число безземельных форастерос, переселявшихся в города. В Кочабамбе число плательщиков трибуто уменьшилось с 11.067 человек в 1838 г. до 6.828 в 1877 г.²⁰ С другой стороны, на Альтиплано, где были сильны внутриобщинные связи и инструменты взаимной поддержки, индейцы, переезжая в города, становясь ремесленниками или наемными работниками, не порывали связей с общиной и предпочитали по-прежнему платить трибуто, формально оставаясь крестьянами, в то время как вполне могли быть освобождены от этого налога как городские жители, чоло²¹.

Налоговая система, необходимость раз в полгода платить трибуто, заставляла индейцев, выходить на рынок в поисках денежных средств. Со времен Инков общины не были замкнутыми производственными единицами. Обмен продуктами был хорошо организован в рамках существовавших с древности «федераций» родственных айлью, расположенных в различных климатических зонах. Обмен продуктов холодного Альтиплано (картофель, шерсть) на плоды субтропических долин (кока, фрукты) составлял основу существования индейских народов аймара и кечуа. Приход испанского конкистадора сопровождался вовлечением индейцев в потребление ранее неизвестных продуктов. Индеец-крестьянин был полностью включен в меркантилистскую экономику испанских колониальных владений, а затем и новых латиноамериканских государств.

Общинники, как и поместные крестьяне, являлись действующими лицами рынка. Торговая активность села соответствовало возрастающему спросу на продукты сельского хозяйства в городах и горнорудных центрах²². Существовала целая сеть крестьянских рынков, которые через ярмарки в крупных городах Ла-Пасе, Кочабамбе, Потоси, Тарихе были вовлечены в региональную систему торговли. По утверждению ряда исследователей (Т.Платт, А.Митре, Б.Ларсон), с завоеванием независимости региональные торговые связи, объединявшие в одно целое несколько частей соседних государств еще более укрепились. Центр и юг Боливии (Потоси, Чукисака, Тариха) были теснейшим образом связаны с

аргентинским севером, а Ла-Пас был частью южно-перуанской экономики. Крестьянское хозяйство было вовлечено в торговлю в рамках региональных систем. Наиболее ярким примером этого были общины северного Потоси, района Чайянты. Там практически не было поместий, а основной экономической единицей оставалась традиционная община-айлью. Чайянта стала крупнейшим поставщиком пшеницы для Боливии и севера Аргентины. Вокруг торговли зерном общинами строилась вся региональная экономика. Крестьяне-общинники, являясь главными поставщиками зерна, были и крупными покупателями городской ремесленной продукции, а также импорта, в том числе и английского сукна²³. Процветание Чайянты закончилось в 70-е годы с введением свободной торговли. Импорт дешевого чилийского зерна (в 1860-е годы было ввезено 658 тонн в год, а в 1877 – 1878 гг. – 2.544 тонн) подорвал не только благосостояние общин северного Потоси, но и разрушил многие внутри региональные торговые связи, подорвал основы региональной экономики, базировавшейся на торговле зерном²⁴.

Особенно меркантилизировалась деревня в районах, примыкающих к городам. Индейцы переходили на специализацию по выращиванию огородных и садовых культур. Обращает на себя внимание упоминание в актах завещаний индейцев улучшений и благоустройства огородов и садов, перечисление конкретных садовых деревьев²⁵. Имущество некоторых индейцев достигало крупной суммы в 500 песо: завещатель перечислял находящиеся в его владении 3 огорода, сад с 35 персиковыми деревьями, 7 участков земли с различными фруктовыми деревьями, что, судя по всему, высоко ценилось²⁶. Активное участие в торговле привело к появлению очень зажиточных крестьян, владевших собственностью, сравнимой по стоимости с небольшим поместьем. При этом формально они оставались общинниками, плательщиками подушной подати – трибута. Такие большие владения было невозможно обработать без привлечения труда со стороны. Безусловно, и в колониальный период, и в XIX, и в XX вв. эта проблема решалась внутри общины и существовавших в ней механизмов экономической мобилизации и социального равновесия. Зажиточные общинники привлекали труд форастерос и безземельных утауауас в рамках системы взаимопомощи айни и минка, а также были ответственны за сносное материальное существование низших категорий крестьян через раздачу продовольствия и ритуальных празднеств.

Индейцы-общинники не просто выходили на местные рынки, где продавали свою продукцию горожанам, но также участвовали

в перспективных, как сейчас сказали бы, инвестиционных проектах и сделках с городскими торговцами. Существовали многочисленные формы кредитования крестьянского предпринимательства, среди которых были как вполне традиционные займы, в основном, у церкви, так и новшества, например, договоры о кредите и разделе продукции. Так в качестве примера можно привести широко распространенную практику договоров, кстати, нотариально оформленных, о кредите, выданном торговцем крестьянину для поставки в город мяса и других продуктов на продажу. Крестьянин после завершения операции должен был вернуть кредит и поделиться 50% дохода. Этот заем достигал значительной суммы в 200 песо²⁷. Крестьяне активно торговали как своими продуктами, так и скупали товары в сельской округе для перепродажи в городах. Все эти процессы свидетельствовали об интеграции общины в рыночное хозяйство.

Активное участие айлью в товарно-денежных отношениях не приводило к разрушению внутриобщинных связей. Община вполне вписывалась в меркантилизированную экономику, сохраняя при этом свою внутреннюю автономию и уклад жизни. Либеральный тезис об изначальном противостоянии капиталистического рынка и общины является в большой степени ошибочным и односторонним. Община-айлью являлась не только и не столько экономическим институтом, сколько гарантом и орудием этнического и экологического выживания индейских народов кечуа и аймара. Сохранение индейской общины-айлью в течение всего XIX и XX веков свидетельствует о том, что вовлечение в рыночную экономику не ведет к исчезновению или глубокой трансформации этого института социальной организации крестьянских народов кечуа и аймара. В этом смысле XIX век для общины мало чем отличался от сегодняшнего дня. Община была активным действующим лицом местного рынка и даже определяла его параметры, объем и темпы роста.

Серебро – главное богатство страны.

Ведущей отраслью боливийской экономики всегда была горно-рудная промышленность. Добыча серебра в Потоси была символом богатства и процветания. Потоси несколько столетий был синонимом Эльдорадо, несметных сокровищ колониальных владений Испании в Америке. В это период, с 1556 г. по 1783 г. Испания получила из Потоси серебра на 1 млрд песо²⁸. Обеспечивая рудники бесплатной рабочей силой индейцев при помощи миты, системы принудительного труда, унаследованной ещё с инкских вре-

мен, испанцы добились выдающихся результатов в этой отрасли. В конце XVIII века в горнодобыче стали проявляться признаки серьезного кризиса, являвшегося отражением как мировой экономической конъюнктуры, так и внутренних социально-экономических процессов, расшатывавших колониальную систему.

В период с 1737 г. по 1780 г. добыча серебра в Потоси переживала подъем. Рост составлял в среднем 2% в год, что позволило удвоить производство к концу этого периода²⁹. Активно использовался как принудительный труд индейцев – митайо (несущих повинность миту), так и свободная наемная рабочая сила. Падение цен на сельскохозяйственную продукцию способствовало росту производства, так как удешевляло затраты на рабочую силу, а также толкало индейцев к продаже своего труда на свободном рынке во имя получения средств для уплаты трибута. Серебродобыча стала привлекательным объектом для вложения капиталов: торговцы и чиновники стремились воспользоваться выгодной конъюнктурой. Многие рудники брались в аренду, в Потоси стали разрабатывать отвалы на старых шахтах. Горнозаводчики прибегали к кредиту, который охотно давал Королевский банк на условиях 5% годовых. Кредиты активно использовались для откачки воды из затопленных шахт, на их углубление в поисках богатых минералом пластов. Такова была обстановка в отрасли вплоть до конца XVIII века.

В 1800 г. ситуация кардинальным образом изменилась. Возникли проблемы с митой, особенно после восстания Тупака Амару (Тупака Катари на территории Боливии). Засуха, длившаяся многие годы, лишила рудники воды, необходимой для приведения в действие механизмов на шахтах и на обогатительных заводах. Дорогой и дефицитной стала ртуть, без которой невозможно амальгамирование серебра. Причиной тому были европейские войны, сделавшие проблематичными поставки ртути из Испании³⁰. Большинство арендаторов рудников разорились из-за роста стоимости аренды. У владельцев шахт не хватало капитала для их возвращения к жизни. Потоси переживал глубочайший упадок.

Война за независимость испанских колоний в Америке, особенно этап освобождения Перу, полностью дезорганизовал торговлю, что привело к самому серьезному спаду в горнодобыче. В период с 1820 г. по 1830 г. производство серебра упало на 30% по сравнению с предыдущим десятилетием, составив менее половины от уровня второй половины XVIII века³¹. Общая панорама в отрас-

ли создавала впечатление тотального упадка. В Потоси работало только 26 рудников, 1800 были брошены своими владельцами; в Порко 33 действовали, 1519 были оставлены; в Чичас на 22 производящих руду приходилось 650 закрытых³². В районе Сика-Сика (Ла-Пас) работали только 9 из 329 рудников, в Инкисиви – 5 из 165, в Пакахес – 7 из 507³³. Как отмечал Х.М.Даленсе, многие шахты не разрабатывались, так как были затоплены, а капитал для покупки машин, насосов и т.д. отсутствовал³⁴. Вслед за периодом стагнации в 30-е годы начался медленный подъем: с 1825 г. по 1830 г. производство увеличилось примерно на 10%, то есть по 2% в год, а затем держалось стабильным на уровне около 2 млн песо³⁵. Это было связано с общим оживлением региональной экономики, для которой Потоси всегда был источником денежных средств.

В 30-е годы XIX века всего в Потоси работало 198 рудников и 32 плавильные печи (при этом 5.731 шахта была брошена). На 9 рудниках добывали золото. Годовое производство драгоценных металлов в Потоси достигало 1.382.533 песо³⁶. В производстве серебра, главного продукта всей отрасли, преобладал метод кипячения обогащенной руды и ртути. Отрасль зависела от поставок ртути из Испании и Перу. Хотя цены на ртуть в первой половине XIX века были ниже, чем во время серебряного бума 60-70-х годов XIX века, она оставалась дорогой. Ртуть была главным предметом импорта, составляла 13% всех товаров, ввозимых в Боливию³⁷. Цены на ртуть оставались высокими, что депрессивно воздействовало на всю отрасль, так как в это время в Южной Америке не было известно иного способа производства серебра как только амальгамирование. Снижению цен мешала монополия Ротшильда на ртутных месторождениях в Испании, а блокада Буэнос-Айреса в 1839 – 1840 гг. вынудила перевести всю торговлю на Тихий океан, что удорожало доставку этого сырья³⁸.

Метод амальгамирования серебра требовал большого количества котлов из меди, что дало серьезный толчок для роста её добычи и выплавки на рудниках в Корокоро. В 1846 г. в Корокоро было добыто 1.610 тонн меди, а в 50-е годы уже 4 – 6 тысяч тонн в год, затем производство этого металла резко упало до 2 тысяч в 80-е годы, так как поменялся сам метод извлечения серебра, и спрос на медь упал³⁹.

Всего в отрасли на рудниках работало 8.278 человек, из них 4.720 были поденщики, и 1846 – носильщики (вытаскивавшие добытую руду на поверхность). Х.М.Даленсе дал подробный отчет о средних заработках в отрасли: «Администратор обычно получает

50 песо в месяц, столько же финансовый директор; начальник рудника, который руководит работами на шахте – 30 – 40 песо, его помощники – по 20 – 25 песо; батраки-проходчики, вырубщики руды по 2 песо, плюс 4 реала за день работы в шахте; обычные поденщики 4 реала за миту⁴⁰, при этом отрабатывают по 9 смен-мит в неделю; женщины, дети и старики, занятые на рудниках получают по 2 – 3 реала за миту⁴¹. Непосредственно в забоях работало 5.208 человек⁴². Как отмечали все современники, в частности, Х.М.Даленсе, Пентланд и другие, главной проблемой отрасли было отсутствие рабочих рук. На рудниках Потоси в 1832 г. было занято 861 человек, но чтобы поддерживать минимальную добычу на ещё не заброшенных шахтах, остро не хватало 227 рабочих⁴³.

Боливийские правительства пытались решить проблему рабочих рук. В 1829 г. А.Санта-Крус объявил о «добровольной мите», когда общинников перевозили в Потоси в обмен на налоговые послабления. Эта система практиковалась несколько лет: в период с 1829 г. по 1832 г. в Потоси было перемещено всего 300 общинников. С 1832 г. насильственное привлечение общинников к работам на рудниках прекратилось⁴⁴. Причина провала «добровольной миты» коренилась в неспособности государства проводить массовые переселения индейцев, с одной стороны, и в боязни креольской верхушки возможных индейских восстаний, с другой. «Добровольная мита» была крайне неэффективной, так как крестьяне-общинники были очень недисциплинированными рабочими. Они продолжали заниматься сельским хозяйством, покидая рудники во время сезонных работ на полях. Некоторые горновладельцы пытались в частном порядке прибегать к старому и проверенному методу – мите. Они заключали соглашения с общинами о выделении некоторого числа работников на определенный срок, в ответ платили за общинников подушную подать. Эта крипто-мита, как её называют некоторые исследователи, позднее трансформировалась в энганче – насильственную вербовку индейцев на рудники⁴⁵.

Проблема рабочей силы оставалась очень серьезной. Исследователь этого периода Э.Тендер считает, что дело было не в нехватке рабочих рук, а в низкой дисциплине. Рабочие часто нанимались на разные шахты одновременно, получая при этом небольшой задаток, а потом исчезали или работали только в одном месте. По мнению того же Тендера, именно проблемы с рабочей силой и отсутствие митайос (индейцев, выполняющих повинность мита) была главной причиной провала английских капиталовложений в Потоси в первые годы независимости⁴⁶.

В этих условиях особое значение приобрела старая система кахчас, унаследованная с колониальных времен. Речь идет о работе в субботу и воскресенье на рудниках и отвалах всех желающих, в том числе и общинников из окрестностей. Эта система в некоторых удаленных районах Боливии (особенно в золотодобыче) существует и поныне. Индейцы приходили на рудники с собственным инвентарем (свечи, порох, кирки), который покупали у торговцев-метисов или брали в долг у ростовщиков на том же руднике. Этим же торговцам продавали минерал. Хозяину рудника доставалась половина добытой руды. Для Потоси, как и для всей отрасли, эта система была спасением и помогла поддерживать и даже наращивать производство серебра в течение первых сорока лет независимости страны. В 30-50-е годы 34% всего серебра, поступившего в выкупной банк (Banco de rescate), обеспечивалось трудом кахчас⁴⁷. Это был единственный сектор в горнорудной отрасли, показатели которого не изменились в течение многих десятилетий. Новизной было активное участие в коммерциализации добытой руды хозяев рудников, мелких и средних городских торговцев и ростовщиков. Из системы традиционных взаимоотношений с местными общинами, основанной на предании и неписаных правилах, кахчас стала орудием вовлечения индейцев в товарно-денежные отношения и постепенного превращения части крестьянства в постоянных рабочих рудников. Кахчас способствовала активизации торговой деятельности самих общин. В определенной степени, можно согласиться с некоторыми историками, в частности с Т.Платтом, утверждавших, что именно система кахчас была ключевым элементом в первоначальном накоплении. При отсутствии капитала она создавала будущих магнатов горного дела, таких как Патиньо, Арамайю, Арсе и других, создавших своё состояние на скупке руды у кахчас, а также формировала рабочий класс рудников, вымывая часть населения общин, переходивших практически полностью на работу кахчас⁴⁸.

Заводчики в Потоси искали решения проблемы рабочей силы посредством модернизации производства, введения технических новшеств. Много примеров новаторства было в сфере обогащения руды, когда её перемалывали и смешивали со ртутью. В первые века после конкисты размельченную руду (серебряный порошок) перемешивали со ртутью индейцы своими ногами. Естественно, что смертность была необычайно высока. При нехватке этих индейских ног, заводчики применяли машины, различной конструкции. Особо известен случай с машиной братьев Ортис из Потоси,

применяемой на их фабриках в Боливии и в Серро-де-Паско (Перу)⁴⁹. Примерно такую же машину сконструировал Мариано Сильвети⁵⁰. В 1851 г. в Потоси другие заводчики Х.М.Камачо и Х.М.Ракабадо также запатентовали машину для перемешивания руды и ртути. Любопытно, что все получали права на машину, за которую другие заводчики должны были платить патентные права, если хотели бы ею воспользоваться⁵¹. Все эти машины приводились в действие мулом или ослом, что представлялось как особое достоинство, так как в Потоси в отличие от Мексики не было воды, которая могла бы использоваться для приведения в действие этих машин. Ортисы и другие заводчики брали кредиты для строительства своих машин, и им удалось значительно увеличивать производство⁵². Однако ни одна из изобретенных машин не была использована другими заводчиками. Причина этого могла состоять как в консерватизме мышления или отсутствие свободных средств при большом риске в случае кредитования (ростовщический процент кредитов разорил немало новых горнозаводчиков в начале XIX века), так и в недостаточной, по мнению Т.Платта, технологичности и современности этих машин⁵³.

Среди владельцев рудников были и такие, кто привлекал иностранных техников и инженеров, вводил рациональную систему организации труда. Так, в 50-е годы Х.А.Арамайю пользовался посредничеством бывшего президента Боливии А.Санта-Крусом, проживавшего в Париже, для найма европейских инженеров и техников для своих рудников в Корокоро⁵⁴. Тот же Арамайю в 1852 г. провел реорганизацию рудников, принадлежавших акционерному обществу Анкона, введя первый письменный регламент работ, установив четкое разделение труда на шахтах и обогажительных заводах⁵⁵. Трудности со ртутью, водой, и главное, с рабочей силой были тем стимулом, который подталкивал предпринимателей к нововведениям.

Класс горнозаводчиков не был многочисленным. В 1833 г. в Потоси 19 заводчиков владели 70 шахтами, то есть большинством. На отвалах специализировались 28 предпринимателей. Это был период самого глубокого спада. Постепенно с оживлением отрасли и рынка появились новые заводчики. Х.М.Даленсе на конце 40-х годов приводил цифру в 228 владельцев рудников, то есть в три раза больше, чем в предыдущем десятилетии⁵⁶. Капитал, накопленный в торговле, обратился к горному делу, обеспечив подъем так называемого «первого цикла серебра», то есть в 40 – 50-е годы XIX в. Купцы всегда были связаны с горнодобычей, ибо без их

участия была бы невозможна реализация металла (в первую очередь, меди и олова) на внешнем рынке. В 50-е годы стал заметен интерес торгового капитала к горной отрасли⁵⁷. Яркий пример горнозаводчиков из купеческой среды – братья Ортисы, сделавшие свой капитал на торговле мулами из Сальты в Потоси⁵⁸. Также и помещики-латифундисты принимали активное участие в горно-рудном деле, например, видный политик эпохи президента М.И.Бельсу Бенинго Клавихо, крупный помещик из Ла-Паса, создал акционерное общество на рудниках в Корокоро⁵⁹. В 1850 – 1870 гг. горное дело в Боливии почти полностью перешло под контроль помещиков, тесно связанных с торговлей⁶⁰.

В 40-е годы XIX века в Боливии повсеместно возникали акционерные общества, в составе которых были как опытные заводчики со стажем, так и торговцы, помещики, чиновники. Некоторые общества были успешные, многие же разорились и исчезли. Их деятельность охватывала не только Потоси и серебро, но и новые регионы и новые металлы, как например, золото и медь. В 1845 г. в Типуани было создано акционерное общество для добычи золота с капиталом в 27.300 песо. Общество состояло из 265 акционеров, которые в первый же год своего существования получили огромный доход в 38.857 песо⁶¹.

Другой пример успешного освоения новой сферы в горном деле – это добыча меди в Корокоро. В 30-е годы там появились первые предприятия по производству меди, спрос на которую был велик как Боливии, так и за рубежом. В Боливии её потребителем были сереброзаводчики, ремесленники и Монетный двор. К 1846 г. в Корокоро было уже 38 рудников, большинство которых принадлежало иностранцам и торговцам из Ла-Паса. Для развития своего дела горняки брали кредиты в Вальпараисо. В медные рудники вкладывали свои средства торговые дома Гуричаги из Такны, Эгирена (крупнейший ростовщик) из Ла-Паса. В 1847 г. там было создано «Общество реставрации» в составе 50 акционеров, представителей креольской элиты Ла-Паса. Среди них были чиновники, нотариусы, церковники, мелкие торговцы и даже ремесленники⁶². В Корокоро приобрел рудник такой известный человек как герой войны за независимость генерал О.Ф.Браун. Успешным был ирландец Х.У.Теаре, добившийся быстрого прогресса. Ему в последствии продал свои рудники генерал Браун. Х.У.Теаре был уникальным человеком, ставшим легендой в Боливии. Всю свою прибыль он раздавал бедным⁶³.

Многие иностранцы стремились вложить свои капиталы в горное дело. Пентланд в 20-е годы писал, что «любой иностранец может за бесценок приобрести рудники, которыми владеет государство»⁶⁴. В 40-50-е годы рынок был переполнен европейскими товарами, и торговля не давала быстрой прибыли. Тогда торговцы обратили свои взоры к горной отрасли, куда потекли их капиталы. Это вызвало масштабные спекуляции рудниками. Из 40 крупных собственников рудников, непосредственно в Корокоро проживало лишь 19⁶⁵. Многие новорожденные общества вскоре лопнули. Выжили лишь те предприятия, которые имели доступ к кредиту, то есть связанные с иностранными торговыми домами в Такне и Вальпараисо. Ни одно боливийское акционерное общество, созданное в Корокоро в первой половине XIX в., не пережило 60-е годы⁶⁶.

Горнозаводчики не могли свободно распоряжаться добываемым золотом и серебром. Вплоть до 70-х годов XIX в. в Боливии сохранялась государственная монополия на чеканку и торговлю серебром. Часть исследователей считает, что монополия государства мешала формированию капитала в частном секторе⁶⁷. До 1825 г. существовала монополия короны на торговлю золотом и серебром. Все производители этого металла должны были сдавать его в Королевский банк Сан-Карлос, получая вознаграждение по фиксированным ценам. В 1826 г. этот банк был переименован в Выкупной банк (Banco de Rescate). Все ездили в Потоси и сдавали свой металл в этот банк, который оценивал его качество и выплачивал вознаграждение⁶⁸.

Президент У.Бальивиан предлагал ликвидировать государственную монополию и ввести свободную торговлю золотом и серебром. Аргентинские иммигранты-унитарии, в основном либералы-фритредеры, имевшие огромное влияние на Бальивиана, настаивали на введении свободной торговли серебром и упразднении Выкупного банка. В 1845 г. они предлагали продавать серебро по ценам свободного рынка, ориентируясь на чилийские цены. Однако эти предложения были отвергнуты, особенно агрессивной была пресса Потоси, города, жизненно заинтересованного в сохранении своей монополии на выплавку серебра и золота⁶⁹. Однако сами производители испугались этой радикальной меры, так как монополия государства гарантировала покупку металла⁷⁰. В определенной степени монополия была выгодна мелким заводчикам. Во-первых, процветала контрабанда, дававшая возможность извлекать дополнительную выгоду, когда таковая была реальна. Во-вторых, с

того момента, когда боливийские правительства, начиная с А.Санта-Круса, с 1829 г. стали чеканить «слабое» песо, фебле, приравненное по номиналу к твердому песо, горнозаводчики получали вознаграждение от государства часть в «слабом», а часть в твердом песо, но с премией в виде фебле. Сами же предприниматели оплачивали труд рабочих, материалы (порой и импортную ртуть) и налоги в фебле, получая, таким образом, субвенцию в виде полноценного песо⁷¹. Более того, правительство Санта-Круса в 1833 г. снизило налог на серебро до 11%, что, по мнению Даленсе, способствовало росту производства⁷².

Серебро шло на внешний рынок в основном в виде чеканной монеты в оплату импорта. Другие металлы, как например, медь скупались иностранными, главным образом, английскими торговыми домами, фирмами Найлорс, Копрой и Ко., Хоусуорс и Ко., Х.Хеган и Ко., а также домом Х.Миллет их Такны и американской компанией П.Доулинг. Были и специализировавшиеся на скупке меди боливийские торговые дома, например, Хосе де Урия из Ла-Паса⁷³.

Несмотря на все трудности и противоречия развития первой половины XIX в., несмотря на относительную стагнацию производства, хотя некоторые исследователи говорят о росте и «первом цикле серебра», главное состояло в медленном изживании колониального прошлого с его системой принудительного труда на рудниках. Медленно, но вполне ясно отрасль становилась полностью капиталистически организованной, сориентированной на рынок. Нет никаких оснований говорить ни об анклавном развитии отрасли, ни о её полной деградации. Именно медленные изменения в отрасли подготовили бурный рост 60 – 80-х годов XIX в., так называемый серебряный бум, да и последующий оловодобывающий цикл в истории горнорудной промышленности в Боливии.

После завоевания независимости в Боливии появились два перспективных экспортных товара, которые в глазах современников могли заменить собой серебро. Гуано и хинин стали объектами пристального внимания предпринимателей и государства, видевших в них альтернативу стагнировавшей горной отрасли. Гуано пользовалось большим спросом в Европе. Английские фирмы Мейерс Блэндс и Гиббс Грасслей приступили к разработке залежей гуано на тихоокеанском побережье Боливии. Они получили концессию от государства на разработку 6 тыс тонн в год в районе гуанеры Сан-Франсиско. В период с 1844 г. по 1849 г. Мейерс Бландс добыла 39.428 тонн гуано⁷⁴. В конце 40-х годов добыча

упала: в 1849 г. произвели только 2.418 тонн⁷⁵. Англичане объясняли неудачи своего бизнеса конкуренцией перуанского гуано и выражали желание отказаться от концессии. Боливийское гуано залегалось вдали от побережья в пустыне, под слоем почвы, что увеличивало себестоимость добычи

Англичане писали министру финансов: «Существуют ошибочные представления в отношении богатых залежей гуано в Боливии и в отношении возможных прибылей». Предприниматели жаловались на высокую себестоимость добываемого гуано: производство 811 тонн в 1849 г. стоило 18 тыс. песо, что делало нерентабельной дальнейшую разработку. Государство получало по 7 песо и 6 реалов за каждую тонну. Добытчики утверждали, что в 1842 – 1849 гг., когда было ввезено в Англию 39.728 тонн, себестоимость работ составляла почти 9 песо за каждую тонну, а в 1849 – 1850 гг. она увеличилась до 27,5 песо, что делало невозможным продолжение контракта о концессии. Концессионеры должны были платить в казну большие авансовые платежи, что могли себе позволить только крупные торговые дома. У боливийских властей, правда, были иные представления о ходе дел: до 1848 г., когда разработки велись из расчета 70% прибыли - государству, и 30% - частному предприятию, в Европу было вывезено 55.554 тонны гуано, что составило 2.400.000 песо по европейским ценам⁷⁶.

Если гуано концентрировалось на побережье, то хинную корку собирали в субтропических горах на севере департамента Ла-Пас. Многие годы Боливия оставалась фактическим монополистом в поставках этого ценного продукта на европейские рынки, где был высоким спрос на хинин из-за роста заболеваний малярией. В 20-е годы английская Вест-индская компания ввезла хинина из Южной Америки на 100 тыс. фунтов стерлингов. Хининовый бум в Боливии продолжался в 30 – 40-е годы. В провинциях, где произрастали хинные деревья (*Chinchona*), в период с 1832 г. по 1846 г. население увеличилось в 4 раза. Местное население забросило сельское хозяйство, полностью переключившись на сбор хинной корки⁷⁷. На торговле хинной коркой вырос и окреп торговый слой Ла-Паса. Богатство этого города основывалось на контроле за экспортом хинина. Однако, бум сменился стагнацией цен и перенасыщением рынка. Боливийская хинная корка в конкурентной борьбе терпела поражение от более дешевой колумбийской и перуанской, которую стали разрабатывать в 40-е годы⁷⁸. Ожидания боливийцев спасительного действия хинной коры на экономику не оправдались, несмотря на вовлечение в эту сферу больших капиталов.

Боливийское правительство пыталось тщательно отрегулировать торговлю хинной коркой. Первоначально президент Бальивиан 14 марта 1842 г. издал декрет об обязательном проходе товара через таможенную Ла-Паса. Таким образом, элита Ла-Паса получила полный контроль над торговлей хинином. Затем, в 1844 г. появился закон об аукционах хинной корки в Ла-Пасе, а вскоре была создана особая монополия на торговлю хинином – Компания Пинто и Ко. Эта фирма принадлежала близким к президенту аргентинцам П.Х.Порталю и Х.Т.Пинто, а также боливийцам И.Уиси, К.Бакарресу, Б.Клавихо. Цель создания монополии состояла в удержании цен от падения и в упрощении взимания государством экспортных пошлин⁷⁹. Появление монопольной группы при Бальвиане вызвало социальный протест мелких предпринимателей, а также региональных элит в других районах, недовольных доминированием Ла-Паса⁸⁰. Контроль за компанией со стороны аргентинцев вызывал протест боливийцев, выступавших с националистическими лозунгами возвращения природных богатств в руки патриотов. Хинин и серебро, а точнее контроль за экспортом этих товаров, играли огромную роль в политической борьбе в первой половине XIX века.

Финансовая реформа: «слабое» песо (фебле) и региональная экономика.

От положения в экспортных отраслях зависели доходы казны и общее финансовое состояние государства. Таможенные поступления от обложения иностранных товаров и пошлины на золото, серебро, коку, сахар, спирт и вино на внутреннем рынке составляли серьезную статью дохода государства. Хотя внутренние таможи были отменены (в 1839 г. Х.М.Даленсе, будучи министром, восстановил внутренние таможи для иностранных товаров, затем при Бальвиане (1841 – 1847 гг.) эта мера была отменена), торговый налог колониальной эпохи алькабала на некоторые продукты сохранился. На муку алькабала была введена уже после завоевания независимости, во времена колонии её не было⁸¹. Помимо пошлин и алькабалы продукты первой необходимости облагались налогом сиса, а мясо – корамбре. Пошлины и налоги на продукты потребления давали 270.680 песо при общих доходах государства 2.152.642 песо (1846 г.). Налог на коку, которую потребляли в основном крестьяне-индейцы, составлял 150 тыс. песо. С 1 января 1827 г. государство стало собирать церковную десятину и другие сборы, дававшие в год 171.130 песо. Львиную долю доходов казны

приносили крестьяне-общинники. Подушная подать-трибuto была восстановлена Сукре 2 августа 1826 г. Этот налог давал 919.006 песо, то есть почти половину всего бюджета страны⁸².

Независимая Боливия все первые десятилетия своего существования жила в условиях хронического дефицита бюджета. 95% расходов шли на содержание чиновников и армии. На армию уходило более 70% всех расходов (864.932 песо в 1846 г.)⁸³. Кроме того, страна имела долг перед Перу в 40.000 фунтов стерлингов. Это были остатки двухсоттысячной компенсации освободительным армиями⁸⁴. Боливийские правительства панически боялись брать в долг за границей, опасаясь попасть в финансовую кабалу от европейских государств, и искали внутренние источники финансирования.

Для покрытия дефицита бюджета власти прибегали к принудительным займам у боливийских торговцев и церкви. При Бальивиане насильственные займы покрывались за счет торговцев, каким-либо образом замешанных в мятежах, восстаниях и заговорах. Первый такой заем в 50 тыс. песо был произведен в 1841 г. Также вводились чрезвычайные «патриотические» налоги, например, в 1846 г. на коку (4 реала за корзину коки). Правительство периодически объявляло о сокращении зарплат чиновникам. Образовавшаяся таким образом задолженность считалась государственным долгом, который предстояло вернуть тем же чиновникам, но с процентами. В 1830 г. было проведено первое заимствование из зарплат чиновников и военных. Эти средства направлялись на финансирование той же армии. Вместо денег выдавались боны займа. Бальвиан распорядился обменять их на государственные облигации, которые обращались наряду с деньгами. Этими облигациями можно было платить налоги. К приходу Бельсу к власти в 1848 г. таких облигаций от невыплат содержания гражданским и военным накопилось на 1/3 годового бюджета страны⁸⁵.

К хроническому дефициту бюджета добавлялась проблема отрицательного платежного баланса. По данным Х.М.Даленсе торговый дефицит в период с 1825 г. по 1830 г. составил 13,60 млн песо, а в 1831 – 35 гг. – 14,78 млн. песо. Происходило сокращение запасов золота и серебра как у государства, так и у частных лиц. Х.М.Даленсе с горечью писал, что в уплату импорта шло все подряд, от богатых украшений храмов до столовой серебряной утвари⁸⁶. Вывоз наличной монеты из страны имел крайне негативные последствия для внутренней торговли, переживавшей в 20-е годы острый кризис ликвидности. Очень быстро нехватка наличных де-

нег парализовала практически всю торговлю, резко упали цены, появились квазиденежные расчеты, прежде всего в деревне. Утечка драгоценных металлов в период, когда ещё бумажные деньги не вошли в оборот, привела к кризису ликвидности, грозя парализовать все хозяйственные связи и привести к банкротству государства.

Выход был найден правительством Санта-Круса. 10 октября 1829 г. был издан декрет о «слабом» песо, фебле, о печатании монет с низким содержанием серебра. Порченная монета, облегченный песо составлял лишь 73,84% от стоимости полноценного песо⁸⁷. Формально обе монеты должны были приниматься по всей стране по номинальной стоимости, что и выполнялось. Старый полноценный песо был предназначен для внешней торговли. Разница в стоимости позволяла государству покрывать дефицит бюджета. В 1840 – 1844 гг. было напечатано 40,89% «слабого» песо, что дало 14,7% доходов бюджета, а в 1850 – 1854 гг. уже выпущено 80,79% от всей денежной массы, что составляло 26,47% доходов государства⁸⁸.

В 30-е годы «слабый» песо составлял 19% всей денежной массы, однако с 40-х годов стал преобладать, в год выпускалось 200 – 500 тысяч фебле⁸⁹. Выпуск низкопробного песо был решением многих проблем для правительства, но прежде всего развязал узел кризиса ликвидности, парализовавший внутренний рынок страны. Соседи Боливии, аргентинский север и Перу также испытывали нехватку наличной монеты. Чаркас или Горное Перу в колониальную эпоху было поставщиком печатной монеты для всего региона, после завоевания независимости эта функция регионального монетного двора осталась за Боливией. Соседние страны были вынуждены принять введение «слабого» песо. Везде, за исключением Чили, боливийский «слабый» песо принимался по номинальной стоимости, как и в Боливии. Однако реальная стоимость «слабого» и «сильного» песо разнилась, что вызвало рост цен, но в то же время оживило торговлю и скорость оборота денег. Вокруг Боливии четко оформился региональный рынок, включавший в себя помимо Боливии север Аргентины и юг Перу. Этот рынок существовал и прежде, но с приходом «слабого» песо он оформился в территорию с определенными торгово-финансовыми правилами, отличными от внешнего рынка.

До 40-х годов «слабого» песо был относительно немного в общем объеме денег. Более того, он обращался в Перу и на севере Аргентине, где его принимали по номинальной стоимости (в 1839

г. фебле даже появился в Гватемале). Вопреки ожиданиям печатание легковой монеты привело к росту курса, её объёмы были относительно не велики. Главное – «слабый» песо способствовал оживлению внутреннего рынка. После 1840 г., когда фебле становится главной денежной единицей, торговцы принимали его с разницей в 8 – 10%. Затем на все установились две цены в «слабом» и в твердом песо, которое превратилось в обычный экспортный товар. Разница цен составляла 35.4%, ровно столько, на сколько «слабый» песо отличался от твердого реальным содержанием серебра.

Первоначально появление «слабого» песо имело позитивные результаты. Сократился торговый дефицит с 2,95 млн песо в год в период с 1831 по 1835 гг. до 2,27 млн в 1841 – 1845 гг.⁹⁰ Объем импорта уменьшался, так как он становился дорогим в твердой валюте, а экспорт увеличился и диверсифицировался. Фебле наполнил внутренний рынок ликвидной монетой, дал толчок к росту торговли, особенно в сельском хозяйстве⁹¹.

В историографии с давних пор идет серьезная дискуссия вокруг проблемы фебле и воздействия порчи монеты как скрытой девальвации на боливийскую экономику. Одно направление, среди предшественников которого следует назвать и сторонника протекционизма Х.М.Даленсе, и видного либерального политика, фритредера К.Рохаса, представлено историками Бенавидесом, Г.А.Прадо Роблесом⁹². Они подчеркивали крайне негативное влияние фебле на экономику. Ещё Даленсе считал, что фебле являлась дополнительным налогом, прежде всего, на государственных служащих для покрытия расходов на армию⁹³. Касто Рохас, как и Даленсе, утверждал, что появление фебле спровоцировало контрбанду серебра и полноценного песо, а в стране осталось только фебле⁹⁴. Историки же считают, что инфляция в 40 - 50-е годы была спровоцирована безудержной чеканкой «слабого» песо, и от этого пострадали в основном мелкие торговцы, ремесленники, рабочие, городских низов⁹⁵.

Их оппоненты, часто именуемые неоревизинистами, А.Митре, Т.Платт, Ланджер рассматривают порчу монеты боливийским правительством с иной перспективы развития. Эти авторы анализируют хозяйственные процессы в рамках региональной экономики, включавшей в себя Боливию, юг Перу, север Аргентины, сформировавшиеся как единый механизм еще в колониальный период. В этой региональной системе «слабый» песо был главным препятствием для проникновения иностранных товаров, оберегая местные

рынки от внешней конкуренции. Логическим продолжением этой политики могло быть развитие региональных связей как альтернативы вовлечения стран региона в мировую систему. А.Митре утверждает, что в отличие от колониального периода, когда серебро просто вывозилось в метрополию, после завоевания независимости оно наполнило внутренний рынок дав мощный импульс развитию торговли⁹⁶. Т.Платт считает, что фебле позволил многим общинам вернуться на рынок. Яркий пример тому – торговля пшеницей общинами Чайянты. Причина поражения этой политики неоревизионисты видят в излишнем выпуске фебле, что нарушало баланс с полноценным песо, вызвало инфляцию и расстроило государственные финансы⁹⁷.

Торговля: протекционизм и фритредерство.

Показателем здоровья народного хозяйства страны была торговля. При всей неразвитости дорог торговля между различными районами страны была интенсивной. Хотя, как утверждал Х.М.Даленсе, сельскохозяйственные продукты потреблялись в той же местности, где и производились, всё-таки пшеница и кукуруза Кочабамбы и Чайянты поставлялись в Ла-Пас и Оруро. Тариха, выращивавшая также зерновые, снабжала Чичас, Атакаму и Чукисаку. Соль шла во все департаменты из Оруро. Мясо поставлялось из Томины и Асеро. Бени, где животноводство было единственной отраслью, из-за отсутствия дорог, не участвовал во внутреннем обмене. Департамент Санта-Крус поставлял сахар всей стране, за исключением Ла-Паса, к которому ближе и доступнее были южно-перуанские рынки. Ла-Пас вырос на торговле коки, выращиваемой в северной части департамента, в Юнгас. Из 441.927 корзин, собираемых в Юнгас, только 8,5 тысяч шли на экспорт, остальное потреблялось внутри страны⁹⁸. Ла-Пас постепенно вытеснил с боливийского рынка коку из Куско. Как отмечал в 1826 г. Пентланд: «Ла-Пас ныне – самый населенный город Боливии,... здесь царит благоденствие значительный уровень комфорта у всех слоев населения. Именно торговля кокой дала основные доходы богачам Ла-Паса»⁹⁹.

Помимо коки через Ла-Пас из субтропиков севера департамента шли потоки товаров за границу и во внутренние районы Боливии: какао из Мапири и Аполо, табак, кока и хининовая кора из Ларекахи, табак, дерево, серебро из Инкисиви¹⁰⁰. Другим процветающим районом был богатый металлами Чичас. Первая половина XIX века была временем относительного благополучия горноруд-

ного дела, подъема общинной торговли сельскими продуктами в Чичас. В этот период общее благосостояние района позволяло из собственных средств строить и ремонтировать дороги и мосты, которые обеспечивали лучший доступ торговцев на местные рынки¹⁰¹.

Согласно Х.М.Даленсе, объем внутренней торговли достигал 45.655.292 песо в год. Для сравнения объем внешней торговли давал лишь одну пятую этой цифры, около 9 млн песо. Большая часть внутренней торговли, 65% (29.844.300 песо), приходилась на сельскохозяйственные товары, а остальное были продукты ремесла и горнорудного дела¹⁰². Как отмечают многие исследователи, начало XIX века было временем кризиса торговой системы, основанной на горном деле, на вывозе серебра в Испанию¹⁰³, и её переориентации на внутренние и региональные рынки, где ведущую позицию занимала сельскохозяйственная и ремесленная продукция.

Принятые меры по либерализации торговли не привели к полному освобождению от произвола чиновников на местах. Сохранилась система контроля муниципалитетов за торговлей на своей территории. В Сукре, например, индейцы, привозившие продукты в город, не могли свободно торговать на рынках, а должны были перепродавать монопольным торговым домам канчас (canchas), которые в свою очередь передавали товары мелкорозничным торговкам – гатерас (gateras), которые стояли на рынках. Вся эта цепочка посредников приводила к сильному удорожанию товаров¹⁰⁴. В Кочабамбе полиция указывала индейцам: кому и сколько продавать. Торговали там только привилегированные купеческие дома, так называемые *agraciados* (облагодетельствованные). Эти торговцы перепродавали товары розничным лавкам. В других городах существовали похожие системы. Жители небольших городков вынуждали крестьян продавать им свои продукты, а затем уже везли их в крупные города.

В Ла-Пасе все товары, проводимые в город, как и в колониальный период должны были перепродаваться местным купцам на границе города, на дорогах, в постоянных дворах тамбо (tambos). Постояльных дворов, служивших своего рода товарными биржами, было так много, что Ла-Пас называли одним большим тамбо. Некоторые тамбо принадлежали индейцам и находились в юрисдикции общин, так называемых индейских приходов, расположенных вокруг Ла-Паса. В эти тамбо привозили свои продукты индейцы из родственных общин на Альтиплано (картофель, юка, овощи) и Юнгас (кока, кофе, фрукты)¹⁰⁵. Имея такую систему ограничений

торговли, местные власти, губернаторы и даже коррехидоры, притесняли одних торговцев, а других делали фактическими монополистами. Нередко сами эти чиновники имели собственные торговые заведения, или были связаны общей негодией. Центральная власть постоянно сетовала на широкую распространенность этого явления и заявляла о необходимости борьбы с ним¹⁰⁶.

Боливия была крайне изолированной страной. Существовало два пути внешней торговли. 2/3 объема товарооборота шло через тихоокеанские порты Перу, главным образом через Арику, и 1/3 по атлантическому маршруту через Буэнос-Айрес и далее Тариху¹⁰⁷. Боливия имела свой порт на тихоокеанском побережье Кобиха, однако доступ к нему из внутренних районов был обрзан Кордильерами и пустыней. Гораздо ближе к Ла-Пасу и другим городам Альтиплано были перуанские порты. Все товары из Европы шли через Вальпараисо, а затем в Такну и Кобиху. Однако Чили в 30-е годы запретила оборот боливийского «слабого» песо (монеты низкой пробы серебра, приравненной по номинальной стоимости к полноценному песо), которое активно чеканило боливийское правительство, что вынудило боливийских торговцев ограничить территорию своей деятельности перуанскими портами и Такной, являвшейся центром посреднической торговли.

В 1840 г. Боливия заключила в Арекипе договор о торговле с Перу, по которому единственным свободным портом для боливийской торговли оставалась Арика. Главными товарами завозимыми в Боливию были ткани, вино, железо, одежда, медикаменты, медаль, оливки, миндаль, домашняя утварь, то есть товары для средних и высших слоев общества, за исключением, пожалуй, тканей, покупаемых даже индейцами. Французский консул в Кобихе писал, что европейские товары потребляли только белые метисы¹⁰⁸. У боливийских торговцев имелись большие запасы импортных товаров. Так, при описи имущества торговца Б.Триго из Тарихи в 1854 г. большая часть товаров его склада были импортные ткани, чай и шоколад¹⁰⁹. Из заморских товаров, ввозимых в Боливию, 70% составляли текстильные изделия. Генерал Франсиско О'Коннор отмечал, что ввоз иностранных тканей привел к краху всей местной экономики все в той же Тарихе¹¹⁰.

Импорт «заморских товаров» шел из Англии, около 70% всего ввоза¹¹¹. Общий импорт составил в 1846 г. 3.772.881 песо, а экспорт 612.767 песо. Дефицит внешней торговли покрывался серебром и золотом на сумму 3.281.114 песо в год, то есть почти 80% импорта. Из-за многочисленных таможенных поборов товары,

прибывшие в Арику, доходили до покупателя в Боливии по цене на 90% дороже их ввозной стоимости. Экспорт облагался не более 16% от стоимости товара. Главными продуктами вывоза были серебро, хинная корка, медь, олово, золото, в меньшей степени, шерсть¹¹². В 1840 г. Боливия заключила договор о Дружбе, торговле и мореплавании с Англией. Этот документ предоставлял массу преимуществ английским купцам, чем те не преминули воспользоваться, буквально заполнив местные рынки своими товарами. Британский консул в Боливии Чарльз Мастертон был вынужден признать неравноправие договора и его невыгодность Боливии: «Я наверняка вызову всеобщих ненависть боливийских торговцев»¹¹³.

Структура боливийской внешней торговли внушала беспокойство национально настроенным политикам, таким как Х.М.Даленсе. Массовый ввоз иностранных товаров и экспорт почти исключительно драгоценных металлов, серебряных монет вел к затуханию и без того слабых очагов производства в городах. Х.М.Даленсе писал: «Наша внешняя торговля пассивна и поэтому разрушительна для страны. Мы теряем золото и серебро, ну хотя бы это было в обмен на нужные вещи, способные что-то создавать и развивать нашу промышленность, например, насосы и паровые машины, ткацкие станки, пусть бы деньги шли на технику и инженеров... а не на мишуру»¹¹⁴.

Большую роль в экономической жизни играла региональная торговля. Х.М.Даленсе утверждал, что в 40-х годах около 30% всего импорта в Боливию приходилось на соседей, из них 2% из Чили (не принявшей систему «слабого» песо), 7% из Аргентины и 18% из Перу¹¹⁵. Через Тариху шла торговля с Аргентиной, а через Ла-Пас с Перу¹¹⁶. Ла-Пас был важным посредническим центром в торговле между Потоси, Куско, Лимой. Север страны, и Ла-Пас в первую очередь, сильно зависел от поставок товаров из Перу. В структуре внешней торговли Ла-Паса 50% составляли перуанские товары. Даже такие продукты как картофель или мясо, имевшиеся в Боливии, ввозились из Перу. Боливия же экспортировала в Перу в основном коку¹¹⁷. На 1826 г. из Перу было ввезено товаров на 82 тысячи фунтов стерлингов, а экспортировали только на 30.640¹¹⁸.

Торговцы поддержали введение в 1829 г. «слабого» песо, оживившего деловую активность. Однако внутренний эффект ослабления валюты снижался масштабной контрабандой серебра. Те же самые купцы помимо официальной торговли активно занимались контрабандой. После 1839 г. контрабанда стала поступать не толь-

ко с тихоокеанского побережья, но и из Аргентины, граница с которой при Санта-Крус была блокирована.

А.Санта-Крус, исходя из интересов сбора доходов бюджета и обеспечения платежного баланса, пошел на принятие ряда протекционистских мер в торговле. Тарифы колебались от 10 до 40% (на вино до 30%, на хлопковые ткани – 7%, стекло и бытовые товары – всего лишь 5%). Был запрещен ввоз грубых тканей, подобных боливийскому тукуйо, а также обуви, одежды, шляп. Однако через 4 года запрет был заменен на 40% пошлину, если ввозили через Перу или Аргентину, и 10%, если через Кобиху¹¹⁹. Драконовские таможенные меры, дополненные введением «слабого» песо, могли дать серьезный импульс производству. Однако политика А.Санта-Круса проводилась непоследовательно: высокие тарифы долго не продержались, а эффект «слабого» песо не мог дать серьезных результатов, так как параллельно печатали полноценной песо. Кроме того, протекционизм разбился о контрабанду.

В 40-е годы в обществе шла бурная дискуссия между сторонниками свободной торговли (газета «Ла Эпока», основанная аргентинскими иммигрантами, унитариями) и протекционизма, самым ярким представителем которых был Х.М.Даленсе, занимавший министерский пост в правительстве Санта-Круса в 1840-1841 гг., когда принимались самые жесткие меры по защите внутреннего рынка от дешевого импорта. Протекционисты, объединявшиеся вокруг газеты «Эко де Потоси», требовали повышения пошлин и даже запрета ввоза некоторых товаров, оправдывая это надеждой на рост промышленности в Боливии. Их поддерживали мелкие торговцы и ремесленники Ла-Паса, в то время как южные города, связанные с вывозом серебра, а также купцы-оптовики ратовали за фритредерскую политику¹²⁰. Х.М.Даленсе, приветствуя протекционистскую торговую политику, писал: «Я никогда не мог понять, почему наши правительства так способствуют потреблению иностранных импортных товаров в то время, как наша промышленность предана забвению»¹²¹.

В период с 1830 г. по 1870 г. Боливия пережила два вида протекционизма. В 60-е годы крупный боливийский экономист и либерал Э.Рюк отделял запретительную, меркантилистскую систему привилегированных монополий, систему, уходившей корнями в колониальное прошлое, и протекционизм как современную экономическую доктрину, опиравшуюся на либеральные принципы функционирования экономики¹²². В последнем случае протекционизм направлен на поддержку определенных отраслей и их защиту

от иностранной конкуренции. То есть речь шла о краткосрочной стратегии. В Боливии в разные периоды истории XIX в. наблюдалось сочетание двух столь различных элементов протекционистской политики. При А.Санта-Крус и У.Бальивиане главная забота правительства состояла в наполнении бюджета, укреплении монополии государства на выплавку драгоценных металлов, на создание привилегированных монопольных компаний, близких к президенту или правительству. Вместе с тем, в их политике содержался элемент защиты внутреннего рынка от внешней конкуренции, особенно, в текстиле.

Сторонники свободной торговли вдохновлялись идеями Локка, естественного права, то есть неприкосновенности частной собственности. Из этого закона вытекало, что рудники и их продукция, как и всякое другое богатство, получаемое в результате применения труда, являются такими же объектами обладания, как и всякие другие. Таким образом, продукты эксплуатации рудников находятся в полной и безраздельной собственности их владельцев. Помимо Локка боливийские фритредеры опирались на взгляды испанских философов-схоластов, прежде всего Суареса. По их мнению, суверенитет народа состоял в согласии «собственников» передать часть своих прав государству. Следовательно, частные интересы имеют предпочтение перед государственными, ибо из частных собственников исходит сам народный суверенитет. Сторонники протекционизма возражали последним, считая, что государство является единственным наследником прав короны на недра, следовательно, монополия на продукты горнорудной промышленности – законна¹²³.

Протекционистская политика дала толчок лишь развитию внутренней торговли и производства сельскохозяйственных продуктов, особенно в Чайянте. Спасти ткацкое ремесло так и не удалось. Санта-Крус выступал за ограничения внешней торговли. Правительство даже наградило журналистов «Эко де Потоси» золотой медалью за защиту экономических интересов страны¹²⁴. В русле следования этой политики Боливия отвергла предложения Франции заключить договор о свободной торговле, так как считала себя слишком слабой для противостояния европейским товарам¹²⁵. После свержения Санта-Круса (1839) и прихода У.Бальивиана к власти (1841) произошел возврат к свободной торговле, чему способствовали аргентинские советники президента, унитарии-либералы, нашедшие убежище в Боливии от преследований Росаса. Этот поворот в торговой политике привел к вытеснению тор-

говцев Ла-Паса перуанскими и английскими купцами, что создавало благоприятную почву для недовольства. Полностью принципы свободной торговли победили только в 70-е годы XIX века. Впрочем, ни фритредерство (начиная с 70-х годов XIX века), ни протекционизм первой половины столетия не привели к расцвету экономики.

Эффект защитной торговой политики боливийских правительств сравним с тем же нулевым результатом протекционизма диктатуры Росаса. Как отмечал крупный английский историк Дж. Линч, политика Росаса не учитывала потребности низших классов, их экономическую деятельность, а ориентировалась на интересы камариллы и на обеспечение платежного баланса. В результате, как и в Боливии, экономика не отреагировала на эти меры, а национальное производство не получило никаких дополнительных стимулов и стагнировало. В Боливии протекционизм и защитные меры девальвационного типа («слабый» песо) разбились о контрабанду. В отличие от Аргентины, где протекционизм привел к росту цен¹²⁶, в Боливии повышение было незначительным и соответствовало мировой тенденции (до 70-х годов цены на внешнем рынке были стабильными)¹²⁷.

Контрабанда выводила из страны «полноценный» песо, обескровливая экономику, вымывая таким образом капитал, то есть серебряную монету. «Капиталоемкость» или «сереброемкость» боливийской экономики уменьшалась, что вело к стагнации и постепенному развалу ремесла. Но это в дальней перспективе. Что же касается непосредственно 20-50-х годов XIX века протекционизм и «слабый» песо способствовали возрождению регионального рынка и всей меркантилистски сориентированной экономики Боливии, которая стала формироваться на местной основе, так как испанская метрополия и колониальная система хозяйствования с её сугубо экспортной ориентацией перестали существовать. Боливия во второй половине XIX в. представляла собой вариант автономного регионального развития при небольшом пока вовлечении в мировой рынок.

Городское хозяйство: креольская верхушка, торговля и ремесло.

Экономическое развитие Боливии, вектор её движения вперед, прогресса всех сторон жизни определялся в городе, его хозяйственной деятельностью. К сожалению, изучение городского населения и экономической структуры больших и малых латиноамери-

канских городов в XIX в. пока не вышло за рамки общих работ по истории региона. Эта тема ещё ждет своего специального подробного исследования.

В середине века в Боливии в крупных городах (в эту категорию попадают населенные пункты от 5 тысяч человек, например, Тариха) проживало 136.012 человек. При этом городскими жителями считали себя 148.147 тысяч, то есть около 12 тысяч человек проживали в поселках более 400 человек, и таких было 38 мест¹²⁸. Самым крупным городом был Ла-Пас с населением в 42.849 человек и с 2.342 домовладениями, затем шла Кочабамба с 30.396 горожанами и 1.919 собственниками домов. Столица государства Сукре была небольшим городом с 19.235 жителями. Это был важный политический, культурный и церковный центр страны. Здесь находился самый старый и престижный в Южной Америке университет. Однако город был практически изолирован от остальной страны. В первой половине XIX века наблюдался рост городов, и прежде всего, Ла-Паса, становившегося неформальной столицей Боливии. Если в 1831 г. в Ла-Пасе проживало 30.463 человек, а в 1845 г. – 42.849, то в 1854 г. – уже 68.188. Ла-Пас был в основном торговым городом, но он был окружен поместьями, и многие крестьяне-индейцы часто проживали внутри городских стен, формально оставаясь общинниками и плательщиками трибута, то есть сельскими жителями. В 1854 г. в городе было 42% метисов и белых, а 58% были индейцы¹²⁹. Примерно такая же картина складывалась в Кочабамбе. Как свидетельствовали современники, в частности французский путешественник Альсидес Д’Обиньи, оставивший замечательные путевые заметки о своем посещении Южной Америки, в Кочабамбе в 30-е годы XIX века большинство городских жителей даже говорили на кечуа, одевались как индейцы и, главное, употребляли чичу (маисовое пиво), считавшуюся исключительно индейским напитком¹³⁰.

Х.М.Даленсе в своем статистическом исследовании приводит данные по социальному составу населения городов по числу глав семейств, сам же предлагая умножить эти цифры на среднее количество домочадцев – на 4,5. Около 30% населения городов составляли ремесленники. Помещики с семьями были второй по многочисленности группой – 15,6%. Домашняя прислуга, почти поголовно индейцы-общинники – 8,9% (без учета наличия домочадцев, так как подсчитывались по штучно, а не по главам семей). Около 8% были чиновниками, 2% - лица свободных профессий, столько

же служители культа¹³¹. Военные и полиция учету не подлежали, однако их число было сравнимо с чиновниками.

Итак, основную массу горожан составляли ремесленники, работные люди и торговцы. Согласно Х.М.Даленсе, на середину века в Боливии насчитывалось 9.914 самостоятельных ремесленников. По правилам статистики той эпохи, учитывались только главы семей. Их сыновья и другие родственники, работавшие вместе в их число не попадали, также не учитывались по этой категории ремесленники, работавшие без лицензий, то есть вне цехов. С семьями при грубом подсчете эта категория населения представляла собой треть всех горожан. Суммарное производство ремесленников давало сумму почти 4 млн песо, сопоставимую со всем импортом страны (3.772.881 песо). Каждая ремесленная мастерская производила товаров в среднем на 439 песо в год¹³².

Большинство ремесленников были бывшими индейцами. Если индеец посвящал себя ремеслу, то его потомки переходили в ранг метисов, чоло, и таким образом освобождались от трибута. В XVIII веке этот процесс перехода индейцев к ремесленной деятельности принял заметный характер, особенно в районе Миске и Кочабамбы¹³³. В колониальный период ремесленники были организованы в цеха, которые ежегодно выбирали «главного мастера». Однако со смутой начала века, войной за независимость, устои колониального порядка были расшатаны, и это ощутили на себе ремесленники. Появились так называемые работные люди, находившиеся вне признаваемых законом цехов. У них не было лицензии, ни гарантий цеха на случай жалоб и рекламаций. Закон, запрещая такую деятельность, но они продолжали работать. Чаще всего работные люди были бывшими индейцами. Во избежание конфликта с законом и городскими властями они селились за городскими воротами, где не было юрисдикции цеха и кабильдо, муниципалитета¹³⁴. Таким образом, к официальным ремесленникам следует прибавить неопределенное количество работных людей, судя по всему, определяемые в статистическом труде Х.М.Даленсе как «работники», куда были включены и сельскохозяйственные «работники», то есть скорее всего помещичьи крестьяне. Общее их число составляло 190.415 глав семей или почти 39,94% экономически активного населения¹³⁵.

Городские ремесленники находились в невыгодном положении по отношению к «работным людям», так как платили все налоги, обязаны были покупать продукты, товары, сырье, привозимое из деревень, только на особых постоянных дворах – *tambos*, где долж-

ны были платить торговую пошлину сису. Особенно страдали технологически простые производства, как например, выпечка хлеба. В этих отраслях индейцы, нелицензионные ремесленники успешно конкурировали с цеховыми. Не прекращались требования «городских» убрать мастерские из пригорода, или, по крайней мере, заставить их платить налоги и покупать сырье на постоянных дворах «тамбо»¹³⁶.

В Ла-Пасе самой многочисленной группой были пекари и мясники. В этом городе процветали мастерские серебряных дел (31), плавки металла и кузнецы (94)¹³⁷. Мощным стимулом развития этой отрасли было обслуживание извоза и конюшен, и в первую очередь, военной кавалерии. Обмундирование и оружие пользовались спросом во время войны за независимости и позднее, когда традиционные поставки из Испании были затруднены. Все материалы имели исключительно местное происхождение. Любопытный казус - единственной импортной составляющей в военном обмундировании были оловянные пуговицы (анекдотичность этого факта в том, что Боливия позднее станет мировым лидером по добыче олова)¹³⁸. Производство оружия было поставлено на широкую ногу. В центре Ла-Паса, на Эль-Альто, существовала большая пороховая фабрика, где также производили хинин, из доставляемой из северной части департамента Ла-Пас хининовой коры. Эта фабрика работала до 1858 г., когда она после пожара прекратила свое существование. Помимо этой фабрики в Ла-Пасе насчитывалось 82 маленьких пороховых мастерских¹³⁹.

В Ла-Пасе было сосредоточено мыловарение. Из 8.442 мастерских по всей стране в Ла-Пасе работало 8.000. Производство мыла достигало огромной суммы – 215.783 песо в год (сопоставимо с 1\10 доходной части бюджета страны). Традиционные ремесла, сапожное дело (204 мастерских), плотницкие (84), пошив одежды (98), производство местного пива чичи (950) занимали серьезное место в экономике города. Первенство же принадлежало ткацким мастерским. Из 3.752 мастерских по всей стране 1.120 находились в Ла-Пасе¹⁴⁰.

Местное ткачество (мастерские по обработке шерсти – 3.752, а по выработке хлопка – 359) обеспечивало своим производством спрос в провинции среди индейцев и сельских жителей, а также городских чоло. Особой известностью пользовалось грубое полотно – тукуйо. Креолы и зажиточные чоло предпочитали английское сукно, в избытке хлынувшие на рынок после обретения независимости. Шерстяные ткани производили в Ла-Пасе, Оруро, Потоси и

Чукисаке. На хлопке специализировалась Кочабамба, Монос и Чикитос (тропические и субтропические районы). Ткачество было организовано в сравнительно больших мастерских, обрахес, прототипе мануфактуры, расцветшей в XVIII веке. Как утверждал английский путешественник и негодант Пентланд, на момент провозглашения независимости производство текстиля в обрахес не достигало и 16 тысяч фунтов стерлингов, в то время как в период бума в XVIII в. давало 200 тысяч¹⁴¹.

Хлынувший в Боливию в 20-е годы XIX века дешевый и качественный английский текстиль уничтожил местные обрахес. Выжили лишь мелкие семейные ткацкие мастерские. В середине века их производство сократилось до минимальных размеров: на 66.539 песо в год хлопковых тканей и на 38.681 песо шерстяных. Эта сумма приходилась на все 3.752 мастерских, то есть чуть более по 100 песо в среднем на каждую, что было в 4 раза меньше, чем зарабатывал ремесленник в других отраслях в среднем по стране. Мизерность производства сравнима по объему со стеклодувами и гончарами, традиционно занимавших скромное место в боливийских промыслах (43.500 песо в год)¹⁴².

Президент Боливии А.Санта-Крус, проводя протекционистскую политику, в 1830 г. предложил радикальный проект закона о защите местного производства, однако не нашел поддержки у депутатов конгресса, отвергнувших проект без дискуссии. Большинство депутатов были торговцами импортными товарами и отказывались поддерживать меры, ограничивающие внешнюю торговлю¹⁴³. В результате сопротивления торговцев протекционистские меры, принятые Санта-Крусом, были более мягкими по сравнению с первоначальным проектом. Мероприятия правительства Санта-Круса по защите производства тукуй, которое, по его мнению, было тем продуктом, в котором нуждались индейцы, были малоэффективны. Установленные высокие пошлины на импортные ткани не давали ожидаемого эффекта, так как всюду проникающая контрабанда сводила на нет все усилия правительства. Пришедший на смену А.Санта-Крусу У.Бальивиан отменил все специальные тарифы, защищавшие тукуй. Производство текстиля пребывало в полном упадке. Х.М.Даленсе отмечал, что 2/3 года ткачи простаивают, так как им трудно сбывать свой товар из-за конкуренции заморских, английских, в основном, тканей. В том же положении оказались и табачные мастерские и даже серебряных дел мастера¹⁴⁴. Он с горечью писал: «Наше фабричное производство вместо прогресса переживает очевидный упадок; ныне не выпускается тканей ни ты-

сячая часть того, что делалось раньше,... боюсь, что скоро будем покупать в Лондоне или Париже пончо и набедренные повязки для того, чтобы прикрыть наготу туземцев»¹⁴⁵.

По официальной статистике торговая прослойка в городах была незначительной, около 1% населения. Однако в Ла-Пасе многие помещики также занимались торговлей, а таких по переписи Далеке было около 16%¹⁴⁶. Статистика не учитывала многочисленных розничных торговцев, подпадавших под категорию ремесленник, поденщик или индеец. Если креолам принадлежала вся организованная оптовая внутренняя и внешняя торговля, то розницей занимались в основном метисы и индейцы. Последние монополично владели торговлей кокой, которую потребляли главным образом сами индейцы. Отставные военные, число которых сравнимо с числом торговцев, также вели коммерческие дела, занимались торговлей¹⁴⁷. Таким образом, торговый класс составлял значительную долю городского населения¹⁴⁸. Иностранцев купцов было очень мало, а с 1830 г. был введен запрет иностранцам на розничную торговлю, они могли лишь торговать оптом с боливийскими гражданами. Боливийские купцы хотели большего и требовали ограничить деятельность иностранцев только портом Кобиха¹⁴⁹.

Торговцы в своей массе были мелкими деятелями, оперировавшими небольшим капиталом. Были и крупные купцы с капиталом в несколько тысяч песо, проводившие международные торговые операции с Вальпараисо, Такной и Буэнос-Айресом¹⁵⁰. Среди крупных купцов было немало аргентинских унитариев, нашедших убежище в Боливии, но продолжавших вести торговые дела со своей родиной¹⁵¹. Большинство же ограничивалось скромными масштабами. Бросается в глаза широко распространенное явление – поголовная задолженность торговцев друг другу – все торговали в долг. Мелкий торговец давал кредит индейцу на закупку товара (мяса, шерсти и т.д.) При этом сам получал заморские товары в долг при 1,5% в месяц сроком на 4 месяца. Разорение и провал сделок вызывал многочисленные судебные дела¹⁵². Купцы были должны всем, а им были должны многие покупатели. В качестве примера можно привести завещание некой владелицы торговой лавки М.Малайи из Ла-Паса, которая была повсюду должна, но эти долги покрывались товарами в её лавке и долгами покупателей. Наличных же денег не было вовсе¹⁵³.

Правящий класс Боливии представлял собой разнородные группы проживавших в городах землевладельцев, которые вместе с тем были и военными, чиновниками, судьями, лицами свободных

профессий. Часть элиты занималась торговлей или горнорудным делом. Достаток и социальный статус определялся стоимостью дома: средняя цена одного особняка достигала примерно 3000 песо, в то время как дома низших и средних слоев населения оценивались от 80 до 1000 песо. Самым дорогим в Ла-Пасе домом было здание стоимостью в 7000 песо¹⁵⁴. При этом общее количество домовладельцев в Ла-Пасе насчитывало 2.342 человека.

Количественный состав креольской элиты можно посчитать по числу граждан, принимавших участие в голосовании на выборах, так как избирательный имущественный ценз ставил барьер в 400 песо годового дохода, сумма недоступная не только ремесленникам, но и даже среднему слою торговцев. Итак, если суммировать те категории населения, которые предположительно отвечали критериям избирательного закона, а это – чиновники (2.554), лица свободных профессий (591), горнозаводчики (248), помещики (5.135), при этом мы оставляем за рамками этой группы торговцев (3.316), так как лишь очень небольшая их часть имела необходимый доход, то как раз получается такое же количество голосовавших в 1840 г. – 8.073, в 1844 г. – 7.411¹⁵⁵. В крупных городах, таких как Ла-Пас, Кочабамба, Сукре, Оруро, Потоси, число имевших право голоса не превышало 4% населения. Прибавляя к этому числу членов их семей (4,5), получалось от 10-20% населения, что безусловно много. В Ла-Пасе проживало 42.849 жителей, но было лишь 2.342 домовладельца, голосовало же только 772 человека¹⁵⁶. Это данные на 1855 г., когда число голосовавших в целом по департаменту Ла-Пас и по стране практически удвоились с 6.247 до 14.331 человека¹⁵⁷. В Кочабамбе на 30.396 жителей было 1919 домовладельцев и 1.240 выборщиков¹⁵⁸. По сравнению с Ла-Пасом, где велик процент неголосовавших домовладельцев, Кочабамба представляла собой более однородный креольский город, здесь вдвое больше процент «благородной» публики.

Большой интерес представляют данные по мелким провинциальным городкам, где жили в основном мелкие землевладельцы. На Альтиплано и в Кочабамбе ситуация была различной. Так, в департаменте Кочабамбе в типичном и среднем по величине городке Айопайя, где проживало 1526 жителей, голосовавших граждан в 1850 г. оказалось 436 человек, то есть каждый третий¹⁵⁹. На Альтиплано, где преобладали общины, а помещиков было мало, зато процветала торговля, мелкие городки были более многочисленны, а вот голосовавших граждан там практически не было. В г.Сагарнага, где жило 3.245 душ, голосовало лишь 51 человек¹⁶⁰, а

в столице богатой провинции Ларекаха в г.Эскивель числилось 2.347 жителей, а на выборах в Конгресс в 1848 г. проголосовало лишь 159¹⁶¹. Таким образом, число голосовавших в условиях имущественного ценза дает нам приблизительную картину креольского правящего класса. Учитывая, что голосовать могли лишь главы семейств, следует признать, что к числу креольской верхушки в крупных городах принадлежало от 10% (Ла-Пас) до 20% (Оруро, Кочабамба, Сукре) населения. В мелких провинциальных и кантональных центрах Кочабамбы таковыми было почти все население этих поселков (Арке, Тапакари, Айопайя, Клиса), но на Альтиплано, в департаменте Ла-Пас, также как и в одноименной столице – не более 10% жителей. Такое отличие было связано с различной хозяйственной спецификой каждого района страны.

В Боливии в XIX в. противоречия и конфликты между элитами различных районов страны лежали в основе политической нестабильности. Причина межрегиональных противоречий была в различном социальном климате и в хозяйственных интересах в отдельных районах страны. Более аристократичные, сеньориальные Сукре и Кочабамба с трудом могли согласовывать свои интересы с торговым и ремесленным Ла-Пасом. К этому следует добавить различия в общественной атмосфере, складывавшейся из социального окружения и комфортного самочувствия креольской элиты. Плебейское засилье в Ла-Пасе и помещичье благополучие в Кочабамбе и Сукре диктовали разные алгоритмы поведения, что находило отражение в политических предпочтениях местной элиты.

Особое место на общественной лестнице занимали служители Церкви. Их число было немалым. Согласно Х.М.Даленсе, в Боливии в 40-е годы XIX в. священников насчитывалось 3.301 человек, для сравнения чиновников было на треть меньше¹⁶². В отличие от других стран континента, в Боливии в первый же год существования независимого государства были проведены радикальные антиклерикальные реформы. Так как епископат до конца остался верен короне и поддерживал роялистов, высшие иерархи бежали вместе с колониальной администрацией, что дезорганизовало и ослабило сопротивление реформам Боливара и Сукре. 11 декабря 1825 г. Боливар ликвидировал капеллании и церковные приюты, передав их в ведение государственных органов просвещения, а их капиталы направил в создаваемые Хунты милосердия. Уничтожая, как ему казалось, средневековые институты попечительства, Боливар наносил удар не только по церкви, но и по системе социальной помощи самым обездоленным. Его дело продолжил Х.А.Сукре, лик-

видировавший своими декретами от 28 марта и 22 августа 1826 г. все мелкие монастыри (где было менее 12 монахов), а именно при них находились госпитали и приюты для бедных¹⁶³. В итоге, в Боливии было закрыто 25 монастырей, их собственность должна была пойти на образование и строительство гражданских больниц, то есть того, чем эти монастыри занимались. Однако на практике ничего в замен создано не было, а средства пошли на погашение государственного долга, в том числе, и армиями Освободителей. Большая часть церковной земельной собственности была конфискована. В результате реформ 5% всей существовавшей городской и сельской собственности перешло от Церкви к государству и частным лицам¹⁶⁴. Конфискованная собственность служила залогом гигантской суммы государственного займа 1827 г. в 3 млн песо. Впоследствии заемщикам перешла церковная собственность в погашение долга. Церковь не оказала сильного сопротивления, и это позволило А.Х.Сукре провести в Боливии практически такие же реформы, что были осуществлены во Франции после революции 1789 г.

С 1826 г. церковная десятина (*diezmos*) переходила государству, которое в свою очередь обязалось содержать приходы и структуры Церкви. В действительности десятина составляла около 10% всего бюджета государства¹⁶⁵. Часть десятины шла на покрытие бюджетного дефицита, а священники не получали содержания, что было предметом постоянных протестов и конфликтов власти и Церкви. Государство не хотело разрушения церкви, а лишь её ограничения в рамках либеральной модели общества. Конституция 1826 г. объявляла католицизм государственной религией. После отъезда Суcre из Боливии антиклерикальные выступления властей закончились, а декрет Санта-Круса от 16 июля 1829 г. обещал охранять Святую религию и поддерживать Церковь. Санта-Крус предпринял первые шаги к урегулированию отношений с Ватиканом. В 1834 г. при правительстве Боливийско-перуанской конфедерации был аккредитован представитель Рима¹⁶⁶. При Санта-Крусе, наконец-то, было установлено государственное жалование священникам. Однако дело было сделано, и Церковь в Боливии навсегда утратила своё решающее влияние.

Архаичная и неразвитая социальная структура боливийского общества являлась серьезным тормозом экономического обновления и реформирования всего народного хозяйства. Слабое, плохо структурированное государство, унаследовавшее от колониально-

го периода региональные противоречия и разобщенность правящих классов, переживало период своего формирования в условиях финансового кризиса и внутренних конфликтов. Финансовое положение боливийского государства отражало сложное экономическое положение страны. С одной стороны, главные отрасли были далеки от того, чтобы достичь уровня времен колонии, особенно, это касается горнодобычи. Страна жила в условиях хронического дефицита бюджета, а с 40-х годов и инфляции, вызванной бимонетаристской политикой правительства. С другой, положение в экономике было далеко от стагнации, застоя. Возникли новые экспортные отрасли: хинин и гуано. Активно развивалась внутренняя торговля, в том числе с участием индейских общин. Боливия в первой половине XIX века переживала период становления независимой экономики, мало связанной с внешними рынками. Экономика Боливии в первой половине XIX века формировалась на внутренней основе при минимальном воздействии извне. Потребности капиталистической метрополии (Европа и Англия) оказывали незначительное влияние на внутрирегиональную торговлю. Этот район Латинской Америки в первой половине XIX в. благодаря своей удаленности и природным факторам, наличию собственного центра эмитента регионально признаваемых денег, в наименьшей степени по сравнению с другими странами испытывал влияние внешнего рынка, сохранил определенную степень автаркии и формировал свою экономику на внутренних основах. Это был вариант развития, основанный на внутренних ресурсах и механизмах при минимальном влиянии внешних факторов. Это развитие было поступательным, но без прорыва и резкого роста, однако, это был все же медленный и явный подъем всех отраслей народного хозяйства.

¹ Даленсе Х.М. (1782 – 1855) в период правления президента Х.Бальивиана (1841 – 1847) возглавлял Хунту статистики. Результатом его работы по сбору статистических данных явилось написание в 1848 г. (опубликовано при М.И.Бельсу в 1851 г.) книги «Статистическое описание Боливии».

² Dalence J.M. Bosquejo estadístico de Bolivia. La Paz, 1975. P.177.

³ Demèlas M.D. L'invention politique. Bolivie, Equateur, Pérou au XIX siècle. Paris, 1992. P. 286.

⁴ Dalence J.M. Op.cit., P.201.

⁵ Unzueta F. Periodicos y formación nacional: Bolivia en sus primeros años.// Latin American Research Review. Vol.35. No.2. 2000.P.43.

⁶ Demelas D.M. Op.cit., P.286; Dalence J.M. Op.cit., P.179 – 180.

-
- ⁷ Dalence J.M. Op.cit., P.210-211.
- ⁸ Klein S.H. Haciendas and Ayllus, Rural Society in the Bolivian Andes in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Stanford, 1993. P.184 – 185.
- ⁹ Larson B. Indigenas, èlites y estado en la formaciòn de las repùblicas andinas. 1850 – 1910. Lima, 2002. P.370.
- ¹⁰ Klein H. Haciendas and Ayllus. P.110, 150 – 153.
- ¹¹ Klein H. Haciendas and Ayllus. P.150 – 153; Klein H. The Structure of Hacendado Class in Late Eighteenth-Century Alto Peru: the Intendencia de La Paz.// *Hispanic American Historical Review*(HAHR). v. 60, No.2. May, 1990. P.202 – 203.
- ¹² Archivo de la Paz (ALP).Bolivia. Protocòles Notariales (PN). 1849 – 1855. C.4. f.31.
- ¹⁴ Данные почерпнуты из нотариальных актов по аренде поместий - ALP. PN. 1849 – 1855. C.4. f.197 – 198.
- ¹³ Данные почерпнуты из нотариальных актов по аренде поместий - ALP. PN. 1849 – 1855. C.4. f.197 – 198.
- ¹⁵ Demelas D.M. Op.cit., P.354.
- ¹⁶ Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., 1988.
- ¹⁷ Насколько тяжелым был налог можно судить по следующим сравнительным цифрам: 1 фанега (55,5 литра) пшеницы стоила 4 песо, - то есть для уплаты налога надо было продать целый центнер пшеницы – Platt T. Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el Norte de Potosì. Lima, 1982. P.40.
- ¹⁸ Dalence J.M. Op.cit., P.210 – 211.
- ¹⁹ Demelas D.M. Op.cit., P.351.
- ²⁰ Larson B. Op.cit., P.371.
- ²¹ Barragan R. Espacio urbano y dinàmica ètnica. La Paz en el siglo XIX. La Paz, 1990. P.66.
- ²² Klein H. Haciendas and Ayllus. P.128.
- ²³ Identidades andinas y lògicas del campesinado. Lima, 1986. P.17.
- ²⁴ Platt T. Estado boliviano y ayllu andino. P.70.
- ²⁵ ALP. PN. 1849 – 1855. C.4. f.18-19. В завещании упоминается огород, купленный за 55 песо, но благодаря улучшениям и посадкам, оцениваемый уже в 200 песо.
- ²⁶ Ibidem.
- ²⁷ ALP. PN. 1849 – 1855. C.4. f.36-37.
- ²⁸ См. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. Т.1. М.,1991. С.99.
- ²⁹ Bonilla H. El sistema colonial en Amèrica Española. Barcelona, 1991. P.72 – 74.
- ³⁰ Ibid., P.92 – 100.
- ³¹ Historia de Amèrica Latina. Vol.6. P.263.
- ³² Dalence J.M. Op.cit., P.260 – 263.
- ³³ Barragan R. Op.cit., P.52.

-
- ³⁴ Dalence J.M. Op.cit., P.75.
- ³⁵ Dalence J.M. Op.cit., P.263.
- ³⁶ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.428
- ³⁷ Dalence J.M. Op.cit., P.268.
- ³⁸ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosì (siglo XIX). Mercado indígena, proyecto proteccionista y lucha de ideologìas monetarias. La Paz, 1986. P.24.
- ³⁹ Gavira C. La minerìa del cobre e el Alto Perú. Las minas de Corocoro, 1750 – 1870.// Anuario.Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 2000. Sucre, 2000. P.126.
- ⁴⁰ Мита в данном контексте – это смена работы на руднике, продолжительностью до нескольких часов.
- ⁴¹ Dalence J.M. Op.cit., P.264.
- ⁴² El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.428.
- ⁴³ Rodriguez Ostrìa G. El socavon y el sindicato. Ensayos històricos sobre los trabajadores mineros. Siglos XIX – XX. La Paz, 1991. P.26.
- ⁴⁴ Ibid., P.45.
- ⁴⁵ Gavira C. La minerìa del cobre e el Alto Perú. Las minas de Corocoro, 1750 – 1870.// Anuario.Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 2000. Sucre, 2000. P.50, 132.
- ⁴⁶ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.396.
- ⁴⁷ Rodriguez Ostrìa G. Op.cit., P.32 – 33.
- ⁴⁸ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.410.
- ⁴⁹ Platt T. Historias unidas, memorias escindidas. Las empresas mineras de los hermanos Ortiz y la construcciòn de las èlites nacionales. Salta y Potosì, 1800 – 1880.//Andes. Antropologìa e historia. No.7. 1995-1996. Salta (Argentina). Salta. 1996. P.153 – 159.
- ⁵⁰ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.400.
- ⁵¹ Archivo Nacional de Bolivia (ANB).Bolivia.Sucre.Ministerio de Hacienda (MH).1852. T.13. No.11.
- ⁵² El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.398 – 405.
- ⁵³ Platt T. Historias unidas, memorias escindidas. Las empresas mineras de los hermanos Ortiz y la construcciòn de las èlites nacionales. Salta y Potosì, 1800 – 1880.//Andes. Antropologìa e historia. No.7. 1995-1996. Salta (Argentina). Salta. 1996. P.181
- ⁵⁴ ANB.Colecciòn Braun (CB).1854. F.767.
- ⁵⁵ Rodriguez Ostrìa G. Op.cit., P.38.
- ⁵⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.212.
- ⁵⁷ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.441 – 445.
- ⁵⁸ Platt T. Historias unidas, memorias escindidas. Las empresas mineras de los hermanos Ortiz y la construcciòn de las èlites nacionales. Salta y Potosì, 1800 – 1880.//Andes. Antropologìa e historia. No.7. 1995-1996. Salta (Argentina). Salta. 1996. P.150 – 159.
- ⁵⁹ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.446.

-
- ⁶⁰ Assadourian C.S., Bonilla H., Mitre A., Platt T. Minería y espacio económico en los Andes. Siglos XVI – XX. Lima, 1980. P.95.
- ⁶¹ Barragan R. Op.cit., P.52.
- ⁶² El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.441 - 444.
- ⁶³ Ibid., P.441.
- ⁶⁴ Gavira C. La minería del cobre e el Alto Perú. Las minas de Corocoro, 1750 – 1870.// Anuario.Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 2000. Sucre, 2000. P.131.
- ⁶⁵ La Epoca, No.835. 09.01.1851.
- ⁶⁶ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.443.
- ⁶⁷ Historia de América Latina. Vol.6. P.223 – 224.
- ⁶⁸ Aramayo A. Informe sobre los asuntos de Bolivia en Europa (1876). Paris, 1877. P.56.
- ⁶⁹ Mitre A. El monedero de los Andes. Región económica y moneda boliviana en el siglo XIX. La Paz, 1986. P.83.
- ⁷⁰ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi. Historia financiera de Bolivia. La Paz, 1977. P.112.
- ⁷¹ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.395.
- ⁷² Dalence J.M. Op.cit., P.263.
- ⁷³ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.446.
- ⁷⁴ ANB. МН.1850. Т.124. No.11-А. – письмо Мейерс Бландс из Вальпараисо – Ромуальду Вильяльмилю от 24.07.1850
- ⁷⁵ Ibid., - письмо Мейерс Блендс – министерство финансов от 9 .10.1850.
- ⁷⁶ Ibidem.
- ⁷⁷ Perez C. Cascarilleros y comerciantes en cascarilla durante las insurrecciones populistas de Belzù, 1847 – 1848.// Historia y Cultura. No.24. 1997. La Paz, 1997. P.87 – 95.
- ⁷⁸ Historia de América Latina. Vol.6. P.231.
- ⁷⁹ Perez C. Caudillos, comerciantes y el estado nacional en la Bolivia decimonovena.//Anuario.Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 1999. Sucre, 1999. P.345.
- ⁸⁰ Historia y Cultura. No.24. La Paz. P.199.
- ⁸¹ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.356.
- ⁸² Dalence J.M. Op.cit., P.356.
- ⁸³ Ibid., P.319.
- ⁸⁴ Historia de América Latina. Vol.6. P.225.
- ⁸⁵ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. Por la concordia, la fusión y el unitarismo. Estado y caudillismo en Bolivia. 1825 – 1880. Madrid, 2000. P.68 – 72.
- ⁸⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.269 – 270.
- ⁸⁷ До 1829 г. 1 песо, как и в колониальный период, весил 10 динеро и 20 грано (1 грано = 48 мг) при пробе 902,77 на 1000. 1 песо состоял из 8 реалов; 1 тостон (полтинник) равнялся 4 реалам. «Слабый» песо или фебле продолжал состоять из 8 реалов или 2 тостонов, но содержание серебра понижалось до 8 динеро, то есть проба была 666,66 на 1000. - El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.305.

-
- ⁸⁸ Ibid., P.306.
- ⁸⁹ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi (siglo XIX). P. 20 – 21.
- ⁹⁰ Ibid., P.309 – 313.
- ⁹¹ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi. P.21 – 22.
- ⁹² Rojas C. Op.cit.; Peñalosa L. (1956), Benavides (1972), El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.299 – 313.
- ⁹³ Dalence J.M. Op.cit., P.327.
- ⁹⁴ Rojas C. Op.cit., P.108.
- ⁹⁵ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.302.
- ⁹⁶ Mitre A. Los patriarcas de la plata. Lima, 1981; Mitre A. El monedero de los Andes. P.32; Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi. Historia financiera de Bolivia. La Paz, 1977; Assadourian C.S., Bonilla H., Mitre A., Platt T. Minería y espacio económico en los Andes. Siglos XVI – XX. Lima, 1980; Langer E. Economic Change and Rural Resistance in Southern Bolivia. 1880 – 1930. Stanford, 1989; Pèrez C. Quinine and Caudillos: Manuel Isidoro Belzu and The Cinchona Bark Trade in Bolivia. 1848 – 1855. Los Angeles, 1998.
- ⁹⁷ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi (siglo XIX). P. 13 – 22.
- ⁹⁸ Dalence J.M. Op.cit., P.277.
- ⁹⁹ Цит. по: Barragan R. Op.cit., P.26.
- ¹⁰⁰ Ibid., P.37.
- ¹⁰¹ Demelas D.M. Op.cit., P.280.
- ¹⁰² Dalence J.M. Op.cit., P.279.
- ¹⁰³ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. Op.cit., P.34; Klein H. Haciendas and Ayllus. P.128.
- ¹⁰⁴ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.353.
- ¹⁰⁵ Barragan R. Op.cit., P.36 - 51.
- ¹⁰⁶ ANB. Ministerio del Interior (MI). 1849 – 1856. T.77. No.46. F.7.
- ¹⁰⁷ Historia de América Latina. Vol.6. P.224.
- ¹⁰⁸ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.336.
- ¹⁰⁹ Langer E.D., G.I.Hames Commerce and Credit on the Periphery: Tarija Merchants, 1830 – 1914.// HAH. V.74. No.2. May, 1994. P. 289.
- ¹¹⁰ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.316, 338.
- ¹¹¹ Historia de América Latina. Vol.6. P.224.
- ¹¹² Dalence J.M. Op.cit., P.268.
- ¹¹³ Perez C. Caudillos, comerciantes y el estado nacional en la Bolivia decimonovena.// Anuario.Arquivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 1999. Sucre, 1999. P.346.
- ¹¹⁴ Dalence J.M. Op.cit., P.326.
- ¹¹⁵ Dalence J.M. Op.cit., P.268.
- ¹¹⁶ Вместе с «заморскими» товарами объем торговли через Юг и Север был примерно одинаков, по 1.300 тысяч песо в год (на 1825 г.) - Dalence J.M. Op.cit., P.279.
- ¹¹⁷ Barragan R. Op.cit., P.41 – 42.
- ¹¹⁸ Historia de América Latina. Vol.6. P.224.

-
- ¹¹⁹ Barragan R. Op.cit., P.39 – 40.
- ¹²⁰ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.345; Pèrez C. Quinine and Caudillos: Manuel Isidoro Belzu and The Cinchona Bark Trade in Bolivia. 1848 – 1855. Los Angeles, 1998. P.12 - 13.
- ¹²¹ Dalence J.M. Op.cit., P.251.
- ¹²² Mitre A. El monedero de los Andes. Región econòmica y moneda boliviana en el siglo XIX. La Paz, 1986. P.81.
- ¹²³ Ibid., P.90 – 91.
- ¹²⁴ Rojas C. Op.cit., P.172.
- ¹²⁵ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. P.343.
- ¹²⁶ Lynch J. Caudillos en Hispanoamèrica. 1800 – 1850. Madrid, 1993. P.225 – 227.
- ¹²⁷ Dunkerley J. Political Suicide in Latin America and Other Essays. London, 1992. P.162.
- ¹²⁸ Dalence J.M. Op.cit., P.179 – 180. В испанском языке небольшие города или местечки именуются *pueblo* и *villa*. В *пуэбло* население могло заниматься и сельским хозяйством, в то время как в *вилля* труд на земле был скорее исключением.
- ¹²⁹ Barragan R. Op.cit., P.73 – 75.
- ¹³⁰ Tradición y modernidad en los Andes. Cusco, 1997. P.78
- ¹³¹ Dalence J.M. Op.cit., P.206 – 207.
- ¹³² Ibid., P.254, 268.
- ¹³³ Tradición y modernidad, P.51-52.
- ¹³⁴ Barragan R. Op.cit., P.54 –55.
- ¹³⁵ Dalence J.M. Op.cit., P.207.
- ¹³⁶ Barragan R. Op.cit., P.56.
- ¹³⁷ Dalence J.M. Op.cit., P.256.
- ¹³⁸ Barragan R. Op.cit., P.53.
- ¹³⁹ Dalence J.M. Op.cit., P.256
- ¹⁴⁰ Ibid., P.254 - 256.
- ¹⁴¹ Historia de Amèrica Latina. Vol.6. Amèrica Latina Independiente, 1820 – 1870. Barcelona, 2000. P.224.
- ¹⁴² Dalence J.M. Op.cit., P.254.
- ¹⁴³ El Siglo XIX. Bolivia y Amèrica Latina. La Paz, 1997. P.346.
- ¹⁴⁴ Dalence J.M. Op.cit., P.257.
- ¹⁴⁵ Ibid., P.325.
- ¹⁴⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.206 – 207.
- ¹⁴⁷ На содержание отставных военных тратилось больше средств, чем на служивших.
- ¹⁴⁸ Barragan R. Op.cit., P.32.
- ¹⁴⁹ Perez C. Caudillos, comerciantes y el estado nacional en la Bolivia decimonovena.// Anuario.Arquivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 1999. Sucre, 1999. P.342.
- ¹⁵⁰ Langer E.D., G.I.Hames Commerce and Credit on the Periphery: Tarija Merchants, 1830 – 1914.// H.A.H.R. V.74. No.2. May, 1994. P. 297.

-
- ¹⁵¹ Наиболее известен видный униатрий Хавиер Лопес, активно торговавшим с Тукуманом - Platt T. *Historias unidas, memorias escindidas. Las empresas mineras de los hermanos Ortiz y la construcción de las élites nacionales. Salta y Potosí, 1800 – 1880.* // *Andes. Antropología e historia*. No.7. 1995-1996. Salta (Argentina). Salta. 1996. P.191.
- ¹⁵² ALP. PN. 1849 – 1855. C.4. f.76.
- ¹⁵³ ALP. PN. 1849 – 1855. C.4. f.99.
- ¹⁵⁴ Barragan R. *Op.cit.*, P.68 – 69.
- ¹⁵⁵ Dalence J.M. *Op.cit.*, P.206 – 207; Irurozqui V.M. “A bala, piedra y palo”. *La construcción de la ciudadanía política en Bolivia, 1826 – 1952*. Sevilla, 2000. P.234.
- ¹⁵⁶ Redactor del Congreso Constitucional de 1855. No.2. 7 de agosto, 1855. Sucre, 1855. P. 6 – 8.
- ¹⁵⁷ Irurozqui V.M. *Op.cit.*, P.234.
- ¹⁵⁸ Redactor del Congreso. No.2.1855. P. 6 – 8; Dalence J.M. *Op.cit.*, P.179.
- ¹⁵⁹ ANB.MI.1850. T.134. No.31.
- ¹⁶⁰ Redactor del Congreso. No.2.1855. P. 6 – 8.
- ¹⁶¹ ANB. MI.1848. T.124. No.14, f.3.
- ¹⁶² Dalence J.M. *Op.cit.*, P.207.
- ¹⁶³ Barnadas J.M. *La iglesia católica en Bolivia*. La Paz, 1976. P.73.
- ¹⁶⁴ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. *Op.cit.*, P.94 – 95.
- ¹⁶⁵ Dalence J.M. *Op.cit.*, P.316 – 317.
- ¹⁶⁶ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. *Op.cit.*, P.97 – 99.